

Татьяна Устименко



Ольга Вольска

Сокровище двух миров



Главное в жизни — понять, какой мост
нужно перейти, а какой сжечь!

На страже двух миров

Татьяна Устименко

Сокровище двух миров

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Устименко Т. И.

Сокровище двух миров / Т. И. Устименко — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013 — (На страже двух миров)

Засвидетельствовать похороны? Всегда пожалуйста! Сунуть нос в тайны ордена иезуитов? С превеликим удовольствием! Охмурить великого инквизитора? Нет проблем! Найти сокровище двух миров? Обязательно! Невыполнимых миссий нет. Есть специальный отдел кардинала Златы Пшертневской. И если сами приказали выполнять задание – тогда не жалуйтесь!

© Устименко Т. И., 2013

© АЛЬФА-КНИГА, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Татьяна Устименко, Ольга Вольска

Сокровище двух миров

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Невозможно выбрать меньшее из двух зол, ибо зло, каким бы крохотным оно ни было, никогда не станет добром.
NN

Когда разум не находит слов, пусть говорит сердце.
Надпись на старинной квиддере

Пролог

Достопочтенный Ирраеэль Крайэн-э’Тимеро неотрывно смотрел в узкое окно, из которого открывался вид на штурмуемые крепостные стены. Печальное зрелище. То тут, то там вспыхивали языки кровавого пламени. Но и они были бессильны оплавить заговоренный камень. Защитники цитадели Крайэн стояли насмерть. Ирраеэль в отчаянии стиснул кулаки. Еще немного – и защита не выдержит, люди ворвутся в крепость. Глава клана Крайэн-э’Тимеро перевел взгляд на стол. На темном дереве, распластав светлые углы, лежало величайшее сокровище клана – Карта великих сражений. Да только, увы, сейчас оный артефакт, уже неоднократно предсказавший исходы величайших битв, ничем не мог помочь своим создателям... Сколько бы ни пытался Ирраеэль перекроить ход нынешнего сражения, карта упрямо твердила – цитадель Крайэн должна пасть.

А перед глазами архонта уже плыли жуткие картины: вот рушится стена и люди лавиной вливаются во двор – жгут, крушат, сеют смерть... На секунду Ирраеэлю представилось, что величайшее сокровище клана очутилось в человеческих руках, и старейшина семьи Крайэн, немало повидавший на своем веку, вздрогнул от ужаса. Сегодня превратится в пепелище его дом, а завтра, если у людей окажется Карта, – сотни других домов, точно так же кому-то дорогих и памятных. Архонт схватил подсвечник с горящей свечой, решительно шагнул к столу, но вдруг заколебался. Уничтожить величайшее творение семьи Крайэн, сжечь память об искуснейших мастерах, посвятивших созданию карты не год и не два?.. Старый архонт поставил подсвечник обратно. Мелькнул в руке нож, и полотно, отражавшее битву на стенах цитадели, являющейся родовым гнездом клана, мгновенно оказалось разделено на четыре части. Теперь дело за малым...

Ирраеэль испытующе смотрел на обступивших его архонтов, будто стремился проникнуть в их души. Далларэль – старший сын, кому, как не ему, поручить часть сокровища? Бастиэль и Надираэль, потомки создателей артефакта, сохраняют свои части не хуже наследника. Глава семьи Крайэн перевел взгляд на двоих оставшихся – Къяра и Нагриэль... Архонт предпочел бы не впутывать в это опасное дело дочь, но отправить Нагриэля одного невозможно. Всем давно известно, что эти двое – единое целое.

– Дорогие мои, каждому из вас я доверяю частицу величайшего сокровища, – враз осипшим голосом проговорил Ирраеэль. – Схороните их так, чтобы они никогда не попали в жадные человеческие руки. Спешите, портал цитадели уже и так нестабилен, еще немного – и в него не пройти! – Глава Крайэнов повелительно махнул рукой.

Теперь о карте можно не беспокоиться. Словно сбросив с плеч тяжкий груз, Ирраеэль как-то сразу ссутулился и осунулся. Да, стены вот-вот должны пасть под натиском человеческих войск, но долг старейшины клана – спасти тех, кто еще жив. Глупо защищать то, чего уже нет. Ирраеэль приказал трубить отход. С горечью смотрел он на своих усталых, израненных кланников. Дорого далась им эта защита – от клана осталось меньше половины.

– По праву старейшины клана, – голос архонта был хрипл, – приказываю покинуть стены цитадели и отступить под защиту старшей семьи – клана Мираэн-э’Тимеро.

– Да, лэрд!

Досточтимый Ирраеэль Крайэн-э’Тимеро наблюдал, как его семья постепенно скрывается под сводами тайного хода, ведущего далеко за пределы цитадели. Последним спускался совсем молодой архонт – один из его младших внуков, Риддаэль, уже сейчас заявивший о себе как о перспективном и талантливом мастере знаний. Цитадель содрогнулась. Риддаэль обернулся на ступеньках и кинулся назад:

– Мой лэрд, скорее!

Но Ирраеэль жестом остановил его.

– Негоже, чтобы хозяин дома не встречал гостей, – с горечью произнес он. – Я, Ирраээль Крайэн-э’Тимеро, – хозяин этого дома и встречу их, как подобает старейшине клана. А ты ступай с миром, чадо мое.

– Но лэрд...

– Иди! – Старый архонт повелительно взмахнул крылом, толкая несговорчивого юношу в темный коридор.

Тот снова рванулся назад, но проход, повинувшись желанию Ирраээля, стремительно зарастал камнем. Глава семьи Крайэн еще слышал, как Риддаэль бессильно колотит по стене с той стороны кулаком и отчаянно ругается. Но он уже все решил для себя...

Кирриэль Мираэн-э’Тимеро спешил изо всех сил. Его отряд вот-вот достигнет цитадели Крайэн. Вопреки строгому приказу старейшины клана Мираэн «не вмешиваться!» Кирриэль поднял свой отряд в атаку и кинулся на помощь к погибавшим в осаде бойцам рода Крайэн-э’Тимеро. Честолюбивый советник главы клана Мираэн не мог допустить, чтобы величайшее сокровище семьи Крайэн угодило в руки к людям. Карта великих сражений должна принадлежать его семье! Он не сомневался, что если спасет членов младшего клана Тимеро, те в благодарность сами отдадут ему карту. Но все чаяния достойного Кирриэля рассыпались прахом, стоило лишь ему увидеть выбиравшихся из тайного хода потрепанных кланников семьи Крайэн. Те, завидев отряд, кинулись к нему.

– Лэрд Кирриэль!...

– Да что же это...

– Может, не поздно еще...

Последним из хода, со значительным опозданием, выбрался молодой архонт. Земля содрогнулась, и в небо взметнулся столб огня, кровавым языком прорезавший сумеречное небо. Кирриэль в ярости скрежетнул зубами и сжал кулаки.

– Поздно... – Риддаэль Крайэн-э’Тимеро кулем осел на землю, обхватив голову руками. – Цитадель Крайэн пала...

Часть первая

Кусочки головоломки

Глава 1

Будильник, неудачно пристроенный на книжной стопке и давно считавшийся нерабочим, неожиданно разразился тревожным хриплым звоном. Соскользнул, звучно грохнулся об пол и продолжил истерически надрываться уже под диваном. Секунду спустя к нему присоединился мобильный телефон. Трагично взыв, он вывалился из-под подушки и тоже очутился на полу, затерявшись между креслом и разбросанными вокруг него книгами. Крылатый лорд, капитан Священной Стражи, аналитик специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблаготворительной церкви, а со вчерашнего дня еще и директор главного городского архива, Риддаэль Крайэн-э'Тимеро механически сел на постели, все никак не в силах избавиться от липких тенет кошмарного сна.

«Цитадель Крайэн пала...» – эти слова звучали у него в висках, будто стук молотка по крышке гроба. Сколько лет минуло с того страшного дня, а воспоминания о событиях, свидетелем и участником коих ему пришлось стать, оставались все такими же яркими. В жизни каждого из нас есть секунды, которые хочется сложить в шкатулку с драгоценными камнями и надевать вместо украшений. А бывает и наоборот – от некоторых секунд ты готов избавиться любой ценой. Но, увы, не получается... И вот во сне ужасное прошлое вновь настигло его. Рид с нажимом помассировал виски. Кажется, спокойная жизнь грозит закончиться, так толком и не начавшись. При всей своей приверженности к церкви и непоколебимой вере святой отец обладал изрядной долей суеверности. Он остерегался черных котов и верил в негативное воздействие пустых ведер. А еще он верил в сны... Особенно в такие, ибо за множество прожитых лет Рид четко усвоил: если тебя настигли отголоски прошлого, значит, жди беды.

На полу, нервно подпрыгивая, дребезжал будильник. Подкатившись к ножке дивана, он заставил старенькую мебель заходить ходуном. Телефон церковным набатом надрывался где-то между книгами. Архонт с тяжким вздохом сполз на пол и на четвереньках кинулся разыскивать истерично орущий мобильник. Обнаружив его между Роджером Желязны и собранием сочинений Фейхтвангера, он наконец-то принял вызов и вполтину сократил шумовые эффекты в своей квартире. Затем взялся доставать окончательно закатившийся под диван будильник.

– Рид! – Из трубки доносился слегка недовольный голос госпожи кардинала, которая не слышала ничего внятного, лишь какую-то дурную возню и странное металлическое дребезжание.

Но вот архонт все-таки нашарил нервные часы и победно выудил их наружу. За будильником тянулись длинные махры скопившейся под диваном пыли.

– Рид! Что ты там вытворяешь?! – Злате приходилось фактически кричать, чтобы перекрыть противный, надрывный звук.

Тут святому отцу удалось-таки прижать молоточек, и будильник обиженно заткнулся.

– Ф-фу... – Архонт обессиленно привалился к дивану.

– Рид! – Недовольный вопль, значительно искаженный паршивым динамиком, беспощадно резанул по уху.

– Незачем так кричать, я и без этого тебя прекрасно слышу! – поспешил успокоить Злату священник, болезненно морщась.

– Что за мракобесие творится у тебя в квартире?!

– А... Будильник воскрес из мертвых, – отмахнулся архонт. – Уже лет семь не звонил, а сегодня вдруг отчего-то заработал.

– Ну, значит, будешь должен мне слуховой аппарат, – саркастически подытожила госпожа кардинал. – Я едва не оглохла! И вообще, у тебя пятнадцать... Нет, осталось уже десять минут, чтобы умыться, побриться и добежать до отдела, – закончила она приказным тоном.

– Э? Какого отдела?

- Специального, – любезно подсказали из трубки. – При Дипломатическом корпусе...
- Но у меня сегодня первый рабочий день в архиве... – жалобно возмутился Рид.
- Отменишь!
- Но...

– Бегом! – Трубка рывкнула так, что Рид автоматически подхватился на ноги и зашарил взглядом по комнате, разыскивая одежду. Возражать было уже некому – из динамика доносились длинные заунывные гудки.

Архонт растерянно воззрился на зажатый в руке будильник. Стрелки, как и много лет подряд, неизменно показывали четыре часа. Рид сверился с таймером на телефоне – четыре часа и десять минут раннего, суматошного утра. Священник вновь перевел взгляд на будильник. Секундная стрелка оставалась недвижима – часы стояли. Рид обеспокоенно пожал плечами, аккуратно поставил будильник на место и принялся поспешно одеваться.

Много ли найдется в жизни вещей, способных заставить нас удивляться, недоумевать и одновременно с этим испытывать раздражение? Одна-две точно есть, а если основательно покопаться в себе, то их может набраться и до десятка. Госпожа кардинал усиленно размышляла, когда же она сталкивалась с такими вещами в последний раз, с удивлением наблюдая, как какие-то незнакомые люди с хозяйским видом расставляют в ее кабинете коробки и ящики с эмблемой ордена иезуитов, или Общества Иисуса, как он официально назывался. Сами же служители сего почтенного ордена сновали по коридорам церкви Святого Матиаша весьма шустро, словно испугнутые тараканы, не обращая ровным счетом никакого внимания на кучку людей, столпившихся возле окна. Сотрудникам специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблаготворительной матери-церкви оставалось только растерянно вертеть головами, созерцая творящееся вокруг безобразие.

В конце концов Злата не выдержала. Полученное ночью уведомление, исходящее от кардинала Дэпле, недвусмысленно предписывало всем ее подчиненным как можно скорее собраться на рабочем месте и приступить к активным действиям. Однако каково же было удивление сотрудников спецотдела, когда выяснилось, что рабочего места у них уже нет... Зато в их прежних кабинетах беззастенчиво орудует представительство ордена иезуитов, въезжающее на новую жилплощадь. Их бывшую жилплощадь! Очень быстро удивление дипломатов переросло в недоумение, которое в свою очередь так же скоропостижно перетекло в недюжинное раздражение. Посему госпожа кардинал решила, что хорошего помаленьку, и перешла к активным действиям...

Первый же перехваченный в коридоре иезуит оказался заместителем главы представительства. Сам же глава, его благочестие брат Юлиан, сейчас находился в отъезде.

– Святой отец, потрудитесь объяснить, что за бардак творится на моей территории? – сердито осведомилась госпожа Пшертневская, она же княгиня ди Таэ.

Хьюго, Анна и Эрик пытливно воззрились на иезуита из-за спины начальницы.

– По воле Бога и святого синода наш благочестивый орден получил сии непорочные апартаменты во владение, – чопорно откликнулся сутуловатый, благообразный старец, молитвенно сложив руки на груди.

Злата переглянулась с остальными.

– Но позвольте, а нам теперь куда прикажете деваться? – Госпожа кардинал воинственно уперла руки в бока и подалась вперед.

Князь Эрик ди Таэ исподволь глядел на жену, приходя к справедливому выводу, что в гнев она еще красивее. Интересно, выдержит ли этот чахлый иезуит ее гневную вспышку? По мнению князя, у святоши нет ни единого шанса.

Старец торжественно возвел очи горе и развел руками.

– На все воля божья, дочь моя, – отвечал он, улыбаясь фальшивой благообразной улыбочкой.

– Воля божья? – Злата недобро прищурилась. – Хорошо, будет вам сейчас воля божья! – Она чуть отошла в сторону и яростно защелкала кнопками мобильного.

– Куда она звонит? – забеспокоился пожилой иезуит.

Трое сотрудников специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблагодати матери-церкви многозначительно переглянулись.

– Туда, – хитро ухмыляясь, дал исчерпывающий ответ князь ди Таэ, тыкая пальцем в потолок.

– Туда-а? – Монах побледнел.

– Ага! – Трое дипломатов усердно закивали, всем видом показывая, что у них и в небесной канцелярии связи найдутся.

Злата уверенным шагом приблизилась к ним и с победным видом поднесла телефон к уху старика. Тот слушал, и лицо его становилось все бледнее, выражение глаз – все жалобнее, а робкие поддакивания – все тише. Сеанс связи закончился, и госпожа кардинал спрятала телефон в складках платья.

– Орден иезуитов в моем лице приносит вам свои глубочайшие извинения, госпожа Пшертневская, – виновато поклонился оппонент. – Ваш кабинет будет немедленно освобожден и вновь перейдет в ваше личное пользование.

Злата благосклонно кивнула, показывая, что и извинения, и кабинет приняты. Затем вновь извлекла телефон и набрала номер отца Рида. Сейчас ей требовалось сконцентрировать все имеющиеся в наличии силы...

Развевая полы сутаны и придерживая норовящие слететь очки, отец Рид опрометью промчался по коридору и ввалился в кабинет госпожи кардинала. Налетел на выходявшего оттуда служку с объемистой картонной коробкой и вместе с ним чуть не растянулся на полу. Содержимое коробки, изрядно деформированной от полученного удара, частично рассыпалось по полу. В другой раз щепетильный архонт наверняка бы с извинениями кинулся исправлять содеянное, но сейчас он был слишком взвинчен.

– Он сказал «поехали!»», он взмахнул рукой, словно вдоль по Питерской, Питерской, пронесся над землей... – раздалось у него над головой. Голос был спокоен и чуть насмешлив.

– Простите? – Рид беспомощно шарил руками вокруг и подслеповато шурился на размытую кляксу перед собой.

Клякса вздохнула и, потянувшись к архонту, небрежно водрузила тому на переносицу утерянные очки. Священник растерянно заморгал. Перед ним на корточках сидел Профессор.

– Хотелось бы знать, к чему такая спешка? – В руке Вилдара Криэ дымилась неизменная трубка, а рядом стоял потрепанный дорожный саквояж.

Пострадавший служка тем временем поспешно сгребал бумаги обратно в коробку. Вилдар рывком поставил неуклюжего коллегу на ноги и прошествовал из приемной непосредственно в кабинет Пшертневской. Рид повздыхал и направился за ним.

Сотрудники отдела, сгрудившиеся у стола, дружно вскинулись на звук открываемой двери. Профессор окинул кабинет пристальным взглядом, задержался на непривычно пустовавшем подоконнике и озадаченно кашлянул. Все остальные, в свою очередь, удивленно взглянули на него.

– Профессор, вы ведь сейчас, кажется, должны подъезжать к Вене? – Злата была сильно озадачена появлением Криэ, но вместе с тем изрядно обрадовалась данному событию.

– Должен, – утвердительно кивнул он, – но не подъезжаю. Кардинал Дэпле отказался подписать мое прошение об отставке, ссылаясь на некие непредвиденные обстоятельства. Не объясните ли, господа, что тут происходит и почему меня в срочном порядке сняли с поезда? А

еще хотелось бы узнать, что здесь делают иезуиты? – Профессор, как и все остальные, пребывал глубоко не в духе, отчего его природное любопытство еще более обострилось.

– Присаживайтесь, – устало махнула рукой Злата.

Рид и Криэ заняли свободные кресла. Госпожа кардинал передала им уже изученные бумаги.

– По-моему, над нами издеваются, – ехидно заметил Криэ, наскоро пробежав взглядом документацию. Заметив укоризненные ухмылочки остальных, Вилдар понял, что эта мысль уже утратила новизну и он просто подтвердил очевидное.

Госпожа кардинал озабоченно потеряла переносицу, собираясь с мыслями.

– Итак, уважаемые господа дипломаты, что мы имеем, – решила подытожить она. – Его светлости господину кардиналу Дэпле срочно понадобились возможные козлы отпущения, и он не придумал ничего лучше, как вновь собрать нашу выдающуюся компанию под сводами собора Святого Матиаша. Правда, пока лишь временно и с множественными ограничениями. В том числе и пространственными... – Злата многозначительно кивнула в сторону еще не убраных коробок с эмблемой иезуитов. – Мне удалось в качестве аванса получить назад свой кабинет, кабинет Рида и малый архив, который по причине жуткой забардаченности даром никому не нужен.

– Да... – пробормотал Хьюго де Крайто, вспоминая свой последний визит в архив. – После ухода Миласы там действительно немного... э-э... хаотично...

– Так вот, – вновь заговорила госпожа кардинал, – если мы не разберемся с навязанным заданием, то сегодняшний аванс переключается к иезуитам, а мы с вами окажемся на улице. А задание... Сами видели, какое у нас задание... – Она озабоченно провела рукой по лбу.

– А все потому, что никому, кроме нас, такое не по плечу, – ехидно заметила Анна. – Впрочем, как всегда.

– Кхм, пани Злата, – Профессор сверился с бумагами, – позвольте уточнить пару моментов... Позавчера в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре, от острой сердечной недостаточности скончался инок этой самой лавры – брат Андрей. Но при омовении тела покойного, в чьей естественной смерти ни у кого не возникло сомнений, вдруг обнаружилось, что усопший инок, кхм, не совсем человек... Вернее, как бы это покорректнее сформулировать, совсем не человек...

– Да, – согласно кивнула она. – Брат Андрей оказался альвом...

– А до этого он благополучно прожил в монастыре пять лет, был пострижен в монахи и намеревался принять великую схиму. Неужели за эдакую уймащину времени никто не сообразил, что перед ними представитель древней расы? – недоверчиво нахмурился Криэ.

– Не вижу в этом ничего удивительного, – отмахнулся Эрик. – Внешне альвы мало чем отличаются от людей. А то, что у них руки до колен и ноги короткие, так у иного человека и не такие уродства случаются. Клановую же татуировку не так уж и сложно спрятать. Например, под наметкой монашеского клобука, волосами или повязкой. Хотя, если мне не изменяет память, нашего покойника именно по ней и вычислили...

– Кстати, а почему именно спрятать? – удивился Профессор. – Ведь куда выгоднее ее свести.

– Видите ли, в чем дело, Вилдар... – Князь ди Таэ задумчиво подпер подбородок кулаком. – Клановая татуировка у альвов занимает шею и щеку. Так вот, ту часть, что находится на шее, свести невозможно: она магически привязана к вросшему в плоть самоцвету, сквозь который проходит сонная артерия. А любое повреждение татуировки на шее ведет к уничтожению камня и, следовательно, к смерти носителя.

– И от нас требуется всего лишь присутствовать на похоронах этого конспиратора? – Рид пытливо взглянул на коллег из-под очков, сползших на самый кончик носа. На самом деле архонта сейчас куда больше волновало, что подумает о нем Лисса, когда он не явится в архив.

А поэтому все его мысли о привалившем задании сводились к одной-единственной: «Только бы не меня туда послали!»

– Ну настоятеля можно понять, – посочувствовал Криэ, тоскливо глядя на давно погасшую трубку. Злата, проследив за его взглядом, милостиво кивнула, и Профессор достал кисет с табаком, вознамерившись вновь предаться любимому пороку. – Если сородичи усопшего пронюхают, что он почил и спешно похоронен в стенах человеческого монастыря, то раздуть грандиозный скандал не составит труда. Ибо альвы – наиболее вздорная, подозрительная и некоммуникабельная раса из всех древних.

– Да. И посему от нас требуется засвидетельствовать, что тело не подвергалось никаким надругательствам и похоронено согласно каноническому обряду, – исчерпывающе закончила госпожа кардинал.

– А что за камень был у покойника? – дотошно осведомился почтенный господин Вилдар.

– Изумруд, – коротко бросила Анна.

Над столом повисло молчание, нарушаемое лишь монотонным тиканьем часов на стене. Криэ задумчиво посасывал трубку. По кабинету расплзался дым и терпкий запах крепкого табака, словно подводя закономерный итог всему вышесказанному. Да-а, изумруд – это серьезно: мудрость и хладнокровие. И мертвец скорее всего при жизни принадлежал к семье хранителей знаний. Ну и дела! Охохонюшки, будто им мало было Сарагосской рукописи!

Злата задумчиво глядела на своих подчиненных. Прикидывала, какую бы комбинацию запустить для решения возникшей проблемы. И глаза ее непроизвольно косились на окно.

Окинув взором собравшихся, Профессор вдруг пришел к выводу, что все, так или иначе, периодически посматривают на непривычно пустой подоконник. Там сейчас очень не хватает одного весьма неординарного человека...

– Вы думаете о том же, о чем и я? – риторически спросил он.

Коллеги многозначительно переглянулись. Злата иронично усмехнулась и потянулась к АВС – аппарату внешней и внутренней связи.

Пронырливые лучи раннего августовского солнца слепо шарили по скромному убранству гостиничного номера, время от времени запутываясь то в черных, то в жемчужно-русых волосах обитателей комнаты, мирно вкушавших заслуженный сон. Один из лучей скользнул по исцарапанному дисплею лежащего на тумбочке мобильного, и экран, будто повинувшись волшебному прикосновению, вспыхнул зеленоватым светом. Телефон, издавая противное жужжание, пополз к краю. Радислава резко вскинулась и, вывернувшись из-под руки Виктора, поспешила схватить трубку. Та продолжила трястись мелкой дрожью уже в ладони. С дисплея на оборотничку недовольно тарасилась какая-то монструозная тетка, а «плавающая» по лицу надпись сообщала, что тревожить своего сотрудника в такую рань соизволила его непосредственная начальница. Радислава иронично хмыкнула и решила ответить.

– Преисподняя слушает, – хрипловатым со сна голосом сообщила она.

– Ага-а, – многозначительно проговорили в трубке. Обратничка мгновенно уверилась, что звонит именно госпожа кардинал. – Радислава, где там Виктор? Подайте-ка его сюда!

– А как подать? С петрушкой или с сельдереем?

Из трубки донесся сдавленный смешок. Насколько смогла различить менестрель, Пшертеневская находилась у телефона не одна. Там явно прослушивались еще как минимум человека три.

– Да хоть в ананасах! – Злата попыталась придать голосу как можно больше серьезности. Эрик с Анной уже откровенно хохотали у нее за спиной. Как и у всех, кто работает с магией, образное мышление у них было хорошее. – Где он там?

– Вообще-то он спит... – рассеянно откликнулась Радислава.

– Так разбудите! – Начальство начинало терять терпение.

– Ну уж нет! – безапелляционно заявила оборотничка. – Я еще жить хочу!

– Ладно, – как-то подозрительно быстро согласились в трубке. – Положите телефон ему под ухо и включите громкую связь. Улаживание последствий я беру на себя.

Менестрель пожала плечами и, проворно приладив телефон на подушке, поспешила ретироваться с кровати.

– Кх-кхм, – подготовительно прокашлялся мобильный.

Девушка пылливо косилась на телефон. Сделать мелкую шкodu ближнему, да еще чужими руками, да еще потом за это не отвечать, – что может быть лучше? Телефон снова кашлянул и...

– Виктор, душа моя... – с томным придыханием донеслось из динамика. Байкер беспойно шевельнулся. Радислава едва успела зажать себе рот, чтобы не начать безудержно хихикать. – **ПРОСЫПАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО!** – во всю мощь рявкнула трубка, подскочив на подушке.

Оружейник резко сел на постели, ошалело озираясь по сторонам. Его подруга с истерическим хохотом сползала по стене.

– И приснится же такой бред... – пробормотал Виктор, не понимая, что происходит.

– Виктор, да соизвольте же наконец взять в руки телефон! – грозно вещал динамик печально знакомым голосом Златы.

И байкер понял, что кошмар его продолжается вяве.

– Я вас слушаю, госпожа кардинал, – уныло отвечивал он, понимая – плакал его отпуск.

– Отлично, – довольно донеслось из динамика. – Дождитесь «Эолову арфу». Эорлин-ши передаст вам все необходимые бумаги и без промедления доставит в Петербург.

Виктор с Радиславой переглянулись – похоже, не все так плохо.

– Виктор, запомните, я вас не развлекаться туда отправляю! – построжела госпожа кардинал. И двойной тяжелый вздох стал ей ответом. Несколько секунд из трубки доносилось только невнятное шушуканье: видно, стоящие над душой у начальницы коллеги уговаривали ее сменить гнев на милость. – Ладно, – смягчилась Злата. – Это задание не займет больше двух дней. Потом, так и быть, я оформлю вам неделю отпуска за свой счет.

– За ваш? – недоверчиво переспросил байкер.

– Нет, за ваш! – быстренько уточнила госпожа кардинал. – Но только если все пройдет нормально, а не как обычно! Усвоили? Тогда отбой. Дождитесь Эорлин-ши и отправляйтесь...

Виктор уныло разглядывал замолчавшую трубку.

– Ну что ж, – пробормотал он, – по крайней мере, конечный пункт назначения остался неизменным. И на этом спасибо. А то ведь могли и в какую-нибудь Тмутаракань отправить...

Радислава под села к нему, утешительно обняв за плечи. Да уж, шкoda удалась, ничего не скажешь. В душе оборотнички шевельнулась тревога. Перед глазами на секунду мелькнули купола с крестами, сменившиеся сполохами огня. Менестрель тряхнула головой, избавляясь от неуместного видения и тихонько проклиная дар всевидящего скальда, доставшийся ей от судьбы.

Свинцовое небо тевтонским щитом нависало над землей, готовое в любой момент разразиться промозглым дождем. Густые леса, раскинувшиеся в этой части немецких земель, с каждым днем роняли все больше листьев, расцветивая яркими пятнами высыхающую траву и кусты, уже прихваченные первыми ночными морозцами. Осень, наплевав на все календарные сроки, вступала в свои права, уверенно вытесняя робкий август.

Крутой обрыв айсбергом возносился над мрачным лесным морем, будто на гребне волны поднимая к пепельному небу главную резиденцию Серого ордена в Германии – замок Вартбург. Южная башня цепляла низко проплывающие серые облака. Основанный Людвигом Первым

Тюрингским, давший приют талантливейшим миннезингерам, ставший свидетелем знаменательных споров Мартина Лютера с дьяволом, слышавший последние прорицания сильнейших ясновидцев во время войны Двух Миров, замок Вартбург будто в насмешку был отдан на откуп инквизиции, разместившей там свое представительство. Окутанный легендами и магией, замок на долгие годы стал пристанищем гонителей ереси.

Святой отец Габриэль Фарт, вот уже шесть лет возглавлявший отделение инквизиции в Германии, не любил Вартбург. С самого первого дня своего пребывания в этой крепости он так и не смог отделаться от дурного ощущения нереальности происходящего. Семь лет назад Фарт и представить не мог, что он, экзорцист первой ступени, преподаватель духовного факультета Венского университета, застрянет здесь сначала в качестве старшего дознавателя, а позже – и главы представительства святой инквизиции. Но все же это значительно лучше, чем предстать в роли обвиняемого перед комиссией церковного трибунала... Все же здесь, среди глухих тюрингских лесов, его дар экзорциста привлекал куда меньше внимания и приносил значительно больше пользы.

Отец Габриэль отвлекся от унылого пейзажа за окном и обернулся в комнату. Обложенная зелеными изразцами печь из всех сил стремилась вытеснить плотно обосновавшуюся в помещении промозглость. По какому-то странному стечению обстоятельств кабинетом главы представительства служила именно та самая комната, где некогда Лютер переводил Библию и спорил с дьяволом. В единственном резном кресле у старого затертого стола, где и поныне покоилась раскрытая посередине раритетная Библия, восседал пожилой мужчина в серой рясе. Тяжелые костистые ладони священника покоились на резном набалдашнике дубовой трости. Цепкие умные глаза пытливо глядели на Габриэля из-под кустистых седых бровей. Якоб фон Кройц, его бывший начальник, а ныне просто друг и наставник, задумчиво посмотрел на Фарта, но затем перевел взгляд на лежащее на столе письмо, а точнее – приказ о назначении Габриэля великим инквизитором Нейтральной зоны. Приказ был подписан патриархом Алексием и заверен печатями святого синода – следовательно, являлся самым что ни на есть настоящим и обжалованию не подлежал. Отец Фарт сердито покосился на злополучное письмо, настигшее его сегодня утром, едва он вернулся из разведывательной поездки вместе с несколькими рыцарями святой инквизиции, и тяжело вздохнул.

– И как прикажешь все это понимать, брат Якоб? – недовольно спросил отец Фарт. Его голубые глаза потемнели от негодования.

– Как новый виток твоей стремительной карьеры, брат Габриэль, – прозорливо усмехнулся фон Кройц. – Не все же тебе в Вартбурге прозябать, зарабатывая себе ревматизм и прочую немощ, гнездящуюся в этих сырых стенах. – Якоб грустно посмотрел на свои больные ноги. – Ты молодой, деятельный...

«Да уж, – мрачно подумал Фарт, – молодой, тридцать восьмой год уже пошел», а вслух ответил:

– Вот это-то меня и настораживает, брат Якоб. Ведь иные главы представительств постарше меня будут и в инквизиции провели отнюдь не семь лет, а как минимум вдвое больше. Да и в самом Будапеште наверняка нашлись бы более подходящие кандидаты...

– Ну про Будапешт ты глупость сказал, – нахмурился старик. – После всего что там всплыло, они просто обязаны поставить на этот пост человека со стороны, ибо местные себя дискредитировали. Что же до всего остального, так у тебя за шесть лет ни одного провала. Все расследования по справедливости проведены, скольких оклеветанных от костра спас...

– Судьба подарила мне хорошего учителя. – Тонкие губы отца Фарта тронула признательная улыбка. – Местные ведьмы на тебя чуть ли не молятся...

– Грош цена была бы моей учебе, если бы в тебе нужной жилки не обнаружилось, – скромно отмахнулся Якоб фон Кройц, приподнимаясь и передвигая кресло поближе к огню. –

Посему вот тебе мое благословение, брат Габриэль, принимай предложенную должность. Глядишь, может, благодаря таким, как ты, и отношение к нашей братии изменится.

Отец Фарт отрешенно разглядывал грубые доски, которыми некогда обшили стены кабинета. Что ж, возможно, Якоб и прав. Однако грызущее его изнутри сомнение не утихало, все больше подбедая шаткое спокойствие. Невольно вспомнилась Вена, события семилетней давности... В тот год резко участились случаи одержимости, зашевелились мертвецы на считавшихся спокойными кладбищах... Но стоило Габриэлю копнуть те дела поглубже, как в городе едва не закопали его самого. Он чудом избежал церковного трибунала, а тут как раз и должность старшего дознавателя в Вартбурге подвернулась...

И вот теперь, кажется, все повторяется снова, пусть и с некоторыми отличиями. Габриэль задумчиво воззрился на карту местности, висящую на стене. Его взгляд приковала кучная россыпь красных флажков к западу от Айзенаха, близ которого и стоял Вартбург. Подобными значками в ордене принято отмечать места, где фиксировались всяческие дурные явления, вызванные довольно сильными всплесками магии. *Danza macabre* – пляска смерти, когда поднимаются целые кладбища, – явление редкое, происходящее от силы раз в пять – семь лет. Но уже четыре раза за последние полгода Габриэлю приходилось в срочном порядке лично выезжать на место происшествия. Он умирлял одну группу неупокоенных и тут же наткнулся на другую. Не стоит забывать о нехарактерных для лета разгулах духов и призраков, а еще об их повышенной агрессивности, проявляемой к людям. Два случая одержимости... И все это щедрой россыпью прямо у него под боком!

Местные колдуны и ведьмы клялись и божились, что не имеют никакого отношения к происходящему; дескать, это не их рук дело. И Габриэль им верил: ведь чтобы такую бучу поднять, у местной колдовской братии силенок не хватит, даже если все их способности сложить. К сожалению, несколько попыток пробраться к центру странной энергетической активности окончились ничем. А после того, как он поднял все доступные ордену исторические архивы и выяснил, что в свое время где-то в этих краях располагался иезуитский монастырь, имевший отношение к Волчьему мору, очень быстро пришел приказ об этом сомнительном повышении. Ох неспроста все это, не к добру!

– ...но честно тебе скажу, брат Габриэль, – выдернул его из раздумий надтреснутый голос фон Кройца. Видно, старик все это время о чем-то говорил, а Фарт, погрузившись в собственные мысли, пропустил ценные реплики мимо ушей. – Гложет меня беспокойство. Особенно если вспомнить, как закончил твой предшественник в Будапеште.

– Насколько мне известно, мэтр Саграда погиб как герой, пытаясь уничтожить некий особо опасный еретический манускрипт, – задумчиво почесывая кадык, ответил Габриэль.

– По официальной версии – да. – Старый инквизитор с нажимом выделил слово «официальной».

Тут отец Фарт понял, что фон Кройц уже успел проверить полученную информацию по своим личным каналам и, кажется, действительность несколько отличалась от официальности.

– А на самом деле?

– А на самом деле к гибели мэтра Саграда приложили руку сотрудники некоего специального отдела при Дипломатическом корпусе. Конкретно – глава Высокого дома ди Таэ князь Эрик. За это я не преминул поставить князю свечку за здоровье, ибо сволочью господин Саграда был преизрядной.

– Встречались?

– Доводилось. – Якоб фон Кройц гадливо передернул широкими костистыми плечами.

– И что за отдел? – Габриэль скрестил руки на груди. Бледные лучи солнца, сумевшие пробиться сквозь свинцовые тучи, вызолотили светло-русую макушку инквизитора.

– А вот это тебе уже предстоит выяснять самому, брат Габриэль. Я сведущ, но, к сожалению, не всеведущ.

Отец Фарт тяжело вздохнул. Похоже, новое рабочее место начнет преподносить сюрпризы раньше, чем он успеет на нем утвердиться. Но ведь кое-что можно попытаться выяснить заранее... Слава Господу, существует Вилдар Криэ, человек, при помощи которого он семь лет назад избегнул загребуших лап церковного трибунала и очутился в Вартбурге. Насколько Габриэлю известно, почтенный теолог, помимо всего прочего, работает при Дипломатическом корпусе Единой всеблаготворительной матери-церкви. При воспоминании о Криэ Фарт болезненно поморщился и машинально потер челюсть. Однако ничего не поделаешь, информация требует жертв.

По старинному поверью, если у вас вдруг начинают гореть уши, значит, о вас кто-то сплетничает. Если же ни с того ни с сего краснеют щеки, то предполагается, будто о вас думает любимый человек. А уж если вас на пустом месте одолевает занудная икота, то будьте уверены – никто не забыт, ничто не забыто. Скорее всего вас сейчас активно вспоминают, заставляя перебирать в уме всех мыслимых и немыслимых знакомых, мучиться спазмами, задерживать дыхание, пить литрами воду и тешить себя надеждой, что кто-то догадается вас напугать.

Злата задержала дыхание и постучала себя по груди. Воздух в легких кончился, госпожа кардинал облегченно вздохнула, но тут коварная икота атаковала снова, вынудив Пшертневскую поспешно налить себе третий по счету стакан воды. Икота переждала льющуюся на нее жидкость и вновь принялась измываться над несчастной женщиной. Отчаявшись избавиться от порядком раздражавших спазмов, Злата решила прибегнуть к самому идиотскому способу: начала перечислять про себя друзей и знакомых. При упоминании о Викторе икота чуть поутихла, будто говоря: «Да-да, это он тебя вспоминает, просит привет передать за свой невинно убиенный отпуск», и, доставив сие нехитрое послание, возобновилась с удвоенной силой, дабы и виновнице сего жизнь малиной не казалась.

«Господи, – уныло подумала Злата, наполняя четвертый стакан и с прискорбием отмечая, что изящный стеклянный кувшин опустел, – сделай так, чтобы этого клоуна кто-нибудь треснул по башке и он наконец-то перестал меня вспоминать!»

На этой мысли ей икнулось особенно сильно, и Пшертневская ненароком прикусила кончик языка. Госпожа кардинал поспешила приложиться к спасительному стакану. Воды там осталось меньше половины, а икота и не думала утихать. Решив хоть как-то отвлечься, Злата принялась изучать утреннюю корреспонденцию, которую в силу свалившихся на отдел обстоятельств еще не успела прочесть. Давясь икотой, она безо всякого интереса с горем пополам пересмотрела стандартный набор бюрократического бумагомарания и взялась за последний конверт из плотной кремовой бумаги, изукрашенный затейливыми узорами штампов Дипломатического корпуса, святого синода и лично патриарха.

– Боже, неужели нам повысили зарплату? – саркастически пробормотала госпожа кардинал, вскрывая письмо ножом.

Ей в руки выпал витиевато обрезанный лист, усыпанный теми же печатями и исписанный каллиграфическим почерком. Ознакомившись с содержанием, Злата резко перестала икать, но радости по этому поводу так и не ощутила, остро пожалев, что в стакане сейчас не плескается вермут или, на худой конец, обыкновенные капли для сердца. Госпожа кардинал защелкала кнопками ABC.

– Весь обратившись в слух, тебе внимаю, готов любой твой выполнить приказ, – донесся из динамика приятный баритон.

– Эрик, у тебя есть сердечная настойка? – жалобно осведомилась Злата. – Желательно градусов сорока, но можно и крепче...

Глава 2

Когда все вновь собрались в кабинете начальства, а сама госпожа кардинал немного успокоилась, она наконец-то соизволила поделиться, что же за известие едва не довело ее до сердечного приступа во цвете лет.

– К нам едет инквизитор, – мрачно произнесла Злата, прижимая ко лбу стакан с успокоительным. По кабинету расплзался противный аромат валерианы пополам с мятой и еще чем-то таким же терпко-ментоловым.

– И что? Мы должны устелить его путь красной дорожкой и посыпать розовыми лепестками, пока он будет идти? – язвительно осведомился князь ди Таэ.

Злата наградила его сердитым взглядом.

– Это новый великий инквизитор Нейтральной зоны, – пояснила она. – И в силу недавних, всем памятных событий патриарх просит как можно скорее найти с ним общий язык, оказывая содействие и всяческую помощь. – Посредством интонации госпожа кардинал особо выделила слово «просит», намекая на его истинный смысл.

– Но в чем именно? В пытках или лжесвидетельствах? А может, в сожжениях? – не выдержал вспыльчивый Хьюго де Крайто. Слишком уж свежи его воспоминания о собственных мытарствах в застенках Серого ордена. Порезы на запястьях и шее, несмотря на вмешательство Эрика, все еще напоминали о себе.

Профессор успокаивающе положил ему руку на плечо. Конечно, лучше бы здесь сейчас находилась Анна ди Таэ, но, отправленная с Эорлин-ши в качестве посыльного, она вернется не раньше чем через полчаса. Посему придется Криэ пока самому контролировать психическое состояние своего протеже.

– Что же это за инквизитор такой, которому нужна помощь бедных дипломатов? – рассеянно потирая переносицу, пробормотал отец Рид.

– Да, пани Злата, вы ведь до сих пор не озвучили нам его имя, – с легким укором добавил отец Криэ.

Пшергневская взяла в руки письмо и, чеканя слова, зачитала:

– «Бывший глава представительства святой инквизиции в Германии, замок Вартбург близ Айзенаха, его милость отец Габриэль Фарт».

И если остальным эти сведения не говорили ровным счетом ничего, то Профессор удивленно присвистнул.

– Надо же, мой старый соперник, – пробормотал он. – Вот уж никогда бы не подумал, где доведется столкнуться!

– Вы его знаете? – Брови Пшергневской удивленно поползли на лоб.

– Мой бывший коллега по Венскому университету. Принципиален до смерти, благороден до дурости, дотошен до занудства, – дал исчерпывающую характеристику Вилдар.

– Рид, он вам случайно не родственник? – насмешливо скривил губы Хьюго.

Архонт, витавший где-то глубоко в своих мыслях, озадаченно воззрился на де Крайто, соображая, настолько ли сильно его оскорбили, чтобы немедленно извозить обидчика мордой по ковру. А Пшергневская невольно подумала, что надо бы дать Анне официальное задание воспитать заклятых коллег. Пусть дрессирует, у нее это неплохо получается.

– Вилдар, скажите, а вы не интересовались, с чего это его, такого честного и благородного человека, в инквизицию понесло? – с легким сарказмом осведомился Эрик, которого грядущее появление нового великого инквизитора почему-то начинало нервировать. Кстати, последнее князю ди Таэ тоже абсолютно не нравилось: нервничал он редко, но зато если вдруг перед каким-то событием его начинало колотить, этот сигнал мог считаться явным признаком того, что ничем хорошим пресловутое событие для него не обернется.

– Если бы не роковое стечение обстоятельств, туда бы понесло честного и благородного меня, – чуть усмехаясь, в тон целителю откликнулся Профессор.

Князь ди Таэ недоверчиво хмыкнул.

– Дело в том, – поспешил разъяснить Криэ, – что тогдашний глава немецкой инквизиции Якоб фон Кройц именно мне предлагал место старшего дознавателя, но вашему покорному слуге совершенно не хотелось забираться в тамошнюю глухомань. И вообще, и по семейным обстоятельствам в частности. К тому же именно в то время Вацлав Пшергневский начал носиться с идеей создания нашего замечательного отдела и ему требовалась моя помощь.

– И вы порекомендовали Фарта? – высказал предположение Эрик.

– Не совсем так. Габриэль неплохой экзорцист, причем для него это достижение – не просто церковная степень. Он влез в какое-то темное дело, связанное с внезапной активностью потустороннего мира, и начал докапываться до истоков со свойственными ему дотошностью и патологической честностью. Вроде бы во всем этом оказался замешан орден иезуитов, точно не знаю. Как бы там ни было, кто-то настроил на него кляузу в церковный трибунал. И если бы мы с Ингердой вовремя об этом не узнали, отец Фарт стигнул бы в подвалах инквизиционной тюрьмы... А так он вполне легко отделался: благополучно получил должность старшего дознавателя в Вартбурге, куда и отбыл прежде, чем в трибунале успели достаточно расшевелиться, – закончил свой рассказ Профессор.

В кабинете Пшергневской вновь повисла тишина.

Вот и получается, что прибывшее ночью уведомление о новом срочном задании не замедлило повлечь за собой изрядный воз проблем. Вдобавок Злата отчего-то не сомневалась, что у этого воза есть еще и прицеп, а возможно, и не один. И если вчера вечером княгиня ди Таэ сетовала по поводу внезапного прекращения работы, то сегодня едва сдерживалась, чтобы требовательно не заорать: «Хочу в отпуск!» Вот так всегда случается: чего в жизни недостает, то нам нужно. А того, что есть, нам не надо...

Бессменный капитан «Эоловой арфы» едва заметно шевелил губами, отрешенно наблюдая, как возникают перед ним в воздухе закорючистые строки на сильфийском. Иллюзорное письмо – красивое, но практически бесполезное волшебство, характерное исключительно для его расы и почему-то совершенно недоступное для всех остальных. За многие годы оно уже вошло у зеленоволосого сильфа в категорию обыденностей, а привычка писать в воздухе причислялась хозяином к дурным. Искореняться она отнюдь не собиралась, ибо была вызвана другой, не менее дурной и неискоренимой. Капитан золотистого парусника-бабочки грешил склонностью к сочинительству... но в силу скептического отношения к своим творческим попыткам предпочитал пользоваться не бумагой, а таким вот простеньким иллюзорным волшебством. Отвел душу, выплеснул наболевшее, посмеялся над получившейся несущицей – и развеял в воздухе, не переживая, что кто-то когда-то эту околесицу прочтет. Вот и сейчас, задумчиво глядя на все уменьшавшуюся фигурку Анны ди Таэ, опирающейся на хромированный руль мотоцикла и махавшей на прощание отбывающим ввысь коллегам, сильф бормотал себе под нос очередные строчки:

Это небо безмерно и чисто
Расстилается синью под ноги,
И шагаем в него мы свободно,
За спиною оставив пороги.

Пусть коварно оно и капризно,
Но легко, словно в руки любимой,
Мы лазури доверимся снова,

Зная точно, что чувства взаимны.

Небо вновь распахнуло объятия,
Жаль, не выразить этого словом,
И ликует душа в поднебесье,
Раскрываясь в парении новом.

Ветер в крылья, бывшее же – в пепел,
Никогда ни о чем не жалея;
Что сбылось, и того нам всем хватит,
А что будет, то Богу виднее...

Эорлин-ши любил небо. Любил так, как любят один раз в жизни, – страстно и самозабвенно. Наверное, из-за этого до сих пор и ходил в холостяках, хотя пребывал в самом разгаре брачного возраста, по сильфийским меркам, конечно. А еще, как и другие представители подобных профессий, он был суверен. Не вообще, а лишь в том, что касается полетов. И он точно знал: если внести изменения в курс при взлете, то рейс можно считать пропавшим...

Так и сегодня. Едва «Эолова арфа» отдала швартовы, намереваясь осуществить небольшую халтурку, как прямо посреди палубы некстати материализовалась ее светлость златовласая магичка княжна ди Таэ и внесла кое-какие коррективы в уже намеченный курс парусника. Возможность подзаработать на стороне накрылась мокрым парусом. Курс пришлось поспешно прокладывать заново уже в воздухе, да еще возникла необходимость в короткой остановке, чтобы посадить княжну и взять на борт двух других сотрудников специального отдела. Капитан молчал, скрывая охватившее его раздражение и мысленно проклиная незадавшийся с утра день, изначально не суливший ничего хорошего.

Эорлин-ши исподволь покосился на пассажиров, махавших рукой оставшейся внизу чародейке. Девушку он видел всего во второй раз, а вот мужчину знал довольно давно и даже несколько раз предлагал ему плюнуть на дипломатию и перейти в команду «Эоловой арфы». Несмотря на разношерстность тщательно подобранного им экипажа, людей в команде Эорлин-ши как раз не имелось, особенно таких, как байкер, – сильных, уверенных, хладнокровных. Самые главные качества для истинного воздухоплавателя! Но на все заманчивые предложения капитана Виктор отвечал одно и то же.

– Не-а, – лениво потягивался он, сидя на планшире, вытянув вдоль него ноги и созерцая проплывающие мимо облака, – высоты боюсь.

Сильфу не оставалось ничего другого, кроме как разочарованно вздыхать, время от времени повторять попытку сманить байкера на «Эолову арфу», но пока все с тем же нулевым результатом.

Капитан еще раз окинул скептическим взглядом висящие перед лицом мерцающие заколючки и вскинул ладонь, намереваясь развеять их мириадами цветастых искр.

– Эй, погоди! – раздался рядом возмущенный вопль. Кинувшись вперед, Радислава поспешила перехватить руку сильфа. – Вот сейчас перепишу, а потом и удалять можешь! – Оборотничка зашарила в сумке. Невнятно ругаясь, выловила потрепанный, распухший от времени блокнот с огрызком химического карандаша за твердым корешком и, пристроив блокнот на коленке, принялась спешно переносить в него сильфийские каракули. Попутно размышляя о том, что не помешает как можно скорее обзавестись новым инструментом.

– Госпожа понимает сильфийский? – пораженно осведомился Эорлин-ши, озадаченный не столько тем, что какая-то незнакомая оборотничка списывает его стихи, сколько тем, что она вообще смогла их прочесть.

– А вы против? – Радислава подозрительно глянула исподлобья на капитана. – Это запрещено?

Сильф замаялся, не зная, что ответить.

Ситуацию спас байкер. Сидя на брошенном у мачты рюкзаке, он уже успел вскрыть переданный Анной пакет и теперь просматривал его содержимое.

– Мышка, я тебя поздравляю! – иронично осклабился он.

– С чем это? – насторожилась менестрель, не отрываясь от блокнота.

– Со вступлением в доблестные ряды нашего славного дурдома, тьфу ты, отдела! – хохотнул Виктор, размахивая листом гербовой бумаги с печатями и с замшевым мешочком, приклеенным к листу сургучной наклепкой. – Ты у нас теперь приглашенный консультант по вопросам отношений с древними расами, – продолжал ухмыляться он. – Вот приказ. На, ознакомься.

Девушка, прекратив записывать, выхватила у байкера документ и принялась сосредоточенно изучать. Эорлин-ши, видя, что странная пассажирка утратила интерес к его писанине, поспешил развеять буквы в воздухе и ретировался на мостик. Радислава, нахмурившись, дочитала приказ и витиевато выругалась. Причем половина из выданного ею на гора пассажира прозвучала на безупречном сильфийском.

– Ого... – восхищенно протянул Виктор, оценив эмоциональный выплеск подруги. – А теперь еще раз, и помедленнее...

Менестрель наградила его сердитым взглядом и принялась ожесточенно отдиравать сургуч.

«Приглашенный консультант! Ишь ты!.. – яростно думала она. – Хорошо хоть не личным оборотнем записали!..» – Ей наконец-то удалось отковырнуть наклепку. Девушка перевернула мешочек, вытрясая его содержимое в ладонь.

– ...! – взвизгнула она, так поспешно отшвыривая прочь круглый, выпавший из мешочка предмет, словно он был ядовитым пауком. Медальон, глухо бряцая, покатился по доскам.

– Что случилось? – Байкер мгновенно очутился возле нее.

– Сволочи! – обиженно всхлипнула Радислава, дуя на обожженную ладонь. – И ты тоже хорош! Мог бы предупредить, что там серебро! – Она сердито толкнула его в грудь.

Виктор поднял медальон и виновато вздохнул. Жетоны служащих Дипломатического корпуса действительно изготовлены из серебра, но раньше он как-то об этом не задумывался и теперь чувствовал себя едва ли не предателем. Пострадавшая рука Радиславы наливалась пульсирующим жжением.

– Сделай что-нибудь! – потрясая обожженной ладонью, простонала она, картинно закатывая глаза – Немедленно!

Байкер осторожно перехватил ее запястье и скептически осмотрел покрывшие кожу красные полосы, местами уже начавшие набухать водянистыми волдырями.

– Немедленно разве что поцеловать могу, – усмехнулся Виктор, – только пользы от этого, кроме морального удовлетворения, будет ноль. Я все-таки не Эрик. Лечить прикосновением не могу, только калечить...

– Ты! – Радислава мгновенно забыла о противном жжении и попыталась треснуть байкера свободной рукой.

– Ну вот, уже дерешься. Значит, не все так плохо. Идем вниз, наверняка у корабельного лекаря найдется что-нибудь от ожогов. Ножками дотопаешь?

Девушка с фальшивым стоном повисла на Викторе, мстительно оттоптав ему ногу. Оружейник недолго думая перекинул подругу через плечо и под возмущенные вопли спустился на нижнюю палубу.

Эорлин-ши изваянием застыл на мостике, выжидательно вглядываясь в линию горизонта. Темная бугристая полоса, которую можно было сначала принять за горы, пухла и росла как на дрожжах, наползая на тихое небо. «Эолова арфа» стремительно летела прямо в надвигающуюся грозу. Сильф тяжело вздохнул. Соваться сейчас на паруснике в искрящую зарни-

цами тучу равносильно самоубийству. Прошлый такой полет изрядно подпортил его обожаемую «Арфу». Когда он привел корабль на верфь в Малых Бескидах чиниться, выяснилось, что чертежи, по которым там некогда и создали «Эолову арфу», исчезли. А без них полностью исправить некоторые повреждения оказалось довольно проблематично. Судно чинили наугад, а точнее, фактически методом научного тыка. Разозленный такой халатностью, капитан лично перерыл все хранившиеся на верфи чертежи, после чего выяснилось, что исчезли не только его схемы, но еще и технические паспорта нескольких других кораблей – тяжелых боевых парусников. Вот это сильфу уже совсем не понравилось. Первая мысль, посетившая его в связи со случившимся: «Кто-то намеревается создать воздушный парусник за пределами верфи – легкий, маневренный и быстроходный, как «Арфа», но мощный и смертоносный, как те боевые корабли, чьи чертежи тоже пропали».

Вообще-то сильфы никогда не делали особого секрета из подобной информации. Нужны тебе чертежи – пожалуйста, бери, копируй, только перед этим, уж будь добр, оформи все как положено: бумаги нужные заполни, за пользование налог уплати... А здесь... Похоже, кем бы ни являлся неизвестный похититель, он явно не желал оставлять никаких зацепок, способных привести к его темной персоне. А значит, всевозможные пакости от него гарантированы. Заявлять о пропаже оказалось бесполезно. В документохранилище на верфи сотрудники наведывались хорошо если раз в несколько месяцев, да и то по большой надобности, поэтому выяснить, когда именно пропали чертежи, не представлялось возможным. И если бы не дотошность Эорлин-ши, там скорее всего еще долго не узнали бы о пропаже...

Порыв ветра холодным языком мазнул капитана по лицу, растрепав и без того всклокоченные волосы и напомнив о надвигающейся грозе.

– Штурмана на мостик! – негромко приказал он, не сомневаясь, что его услышат.

Седой, кряжистый гиперборей возник перед сильфом беззвучно, словно вынырнул из воздуха. Рядом с ним аристократичный Эорлин-ши смотрелся чуть ли не подростком, будучи на две головы ниже штурмана и в полтора раза тоньше.

– Дон Салазар, нам нужно прибыть в Петербург к вечеру. Много мы потеряем во времени, если попытаемся обойти грозу? – без обиняков осведомился капитан.

Гиперборей взгляделся в расплывающуюся по небу черноту, затем сверился с погодными сводками, которые клятвенно заверяли его, что никакой грозы в этом месте быть не должно.

– Боюсь, мы попросту не успеем этого сделать, – покачал головой штурман. – Она накроет нас раньше, чем парусник уйдет в сторону. Максимум, на что у нас хватит времени, – это сместиться настолько, чтобы обойти неблагоприятную зону по краю. Но предупреждаю, это очень рискованно. Я не дам никакой гарантии, что нас не затянет в самую середину. Воздушные потоки на краю грозового фронта слишком непредсказуемы, капитан.

– Отлично, – кивнул Эорлин-ши. – Пойдем по краю на большой скорости. Маневровую команду – на палубу!

Дон Салазар с опаской покосился на быстро надвигающуюся грозу. Впрочем, за время его штурманства на «Эоловой арфе» капитан и не такие трюки проделывал. Авось и в этот раз пронесет...

Его светлость герцог Алоизиус, достопочтенный глава Высокого дома ди Амбер, тоскливо глядел в зеркало, ожидая, пока вышколенный слуга покончит с процедурой бритья, столь ненавистной капризному мессире. Та мизерная доля эльфийской крови, что текла в жилах его упитанной светлости, частично повлияла на человеческую физиологию, избавив ди Амбера от ежеутреннего нервомотательства с выскабливанием щек и подбородка. И поэтому данной процедурой господин Алоизиус «наслаждался» лишь раз в неделю, но и эта еженедельная пытка вгоняла его в тоску и раздражительность. Итак, герцог ди Амбер тоскливо глядел на свою намыленную физиономию, отражавшуюся в зеркале работы муранских мастеров, и размышлял

о превратностях судьбы. Христобаль Саграда мертв... С одной стороны, это известие не могло не радовать: инквизитор слишком много знал. Покуда команданте был жив, всегда оставалась угроза, что он решит сыграть на два фронта и посвятит нынешнего главу Высокого дома ди Таэ в неизвестные подробности того старинного нападения. А с другой – его светлость лишился сильного союзника в борьбе против семьи ди Таэ. А ведь он все еще не терял надежды довести начатое до конца... И пусть у ди Таэ сейчас нет былой мощи, но кто сказал, что дом не возродится? Тем более что до почтенного герцога дошли туманные слухи о женитьбе князя Эрика. Слухи, конечно, сомнительные, ибо его осведомителей, происходящих из рода Мираэн-э'Тимеро, мало интересовала личная жизнь какого-то целителя. Выражаясь точнее, они собирали сведения исключительно о своем отступнике, но то, что правящий клан архангелов считал информационным мусором, весьма пригодились главе дома ди Амбер. Ах да... Еще этот странный юноша, спутник Анны ди Таэ. Молодой, но, бесспорно, сильный маг. И везучий.

«Вот тебе еще одна загадка, Алоизиус, – размышлял достойный герцог. – Откуда взялся сей талант?» На его памяти лишь один Высокий дом обладал подобными навыками, отдавая предпочтение земле перед другими стихиями. К счастью, злополучные де Крайто уничтожены, прах к праху, как говорится, – тут уж Саграда расстарался. «А, ладно, уберем и этого непонятного мальчишку до кучи с ди Таэ. Убьем одним заклятием трех вурдалаков...»

Слуга наконец-то закончил измываться над лицом его светлости и промокнул гладко выскобленные щеки салфеткой. В дверь деликатно постучали.

– Да! – недовольно откликнулся ди Амбер, расправляя кружевные манжеты своего камзола. Более всего на свете сиятельный герцог любил себя, и только себя.

На пороге опочивальни возник расхристанный малый в потертых холщовых штанах с множеством карманов и в безрукавом тельнике.

– Капитан Даграй велел спросить, будете ли вы на борту или нам без вас взлетать?

– Передайте капитану, что если ему нужно о чем-то мне доложить, то пусть является сам! – раздраженно огрызнулся герцог. – Да, я прибуду на борт. – Его светлости не терпелось испытать новую смертоносную игрушку, пусть бы и в учебном полете.

Рассеянные солнечные лучи, проникая сквозь иллюминатор, скользили по небольшой каюте в недрах парусника. Оборотничка, расслабленно откинувшись в широком кресле, благосклонно следила за тем, как байкер бинтует ей пострадавшую руку. У корабельного лекаря действительно нашлась мазь от ожогов. Убедившись, что пассажиры в состоянии обработать себя сами, заспанная сердитая лемурка всучила им мазь, бинт и, захлопнув дверь перед носом пациентов, отправилась досыпать.

– Надеюсь, у Анны не возникнет проблем с телепортацией байка, – вполголоса пробормотал Виктор, старательно закрепляя кончики бинта, но не спеша выпускать из пальцев ладонь Радиславы.

Менестрель чуть заметно нахмурилась. Она немного жалела, что не успела попросить княжну при телепортации «нечаянно» утопить адскую машину в первом встречном болоте. Проницательная оборотничка быстро поняла, что помимо работы ей придется делить своего мужчину еще и с его мотоциклом, но решила пока потерпеть эту ложку дегтя в бочке меда.

Тут корабль ощутимо трянуло, будто он угодил в воздушную яму. Менестрель с байкером озадаченно переглянулись. Преодолев воздушную яму, «Эолова арфа» решила на этом не останавливаться. Резко накренившись на правый борт, судно заложило крутой вираж. Радислава едва не вылетела из кресла, а парусник поспешил повторить маневр в зеркальном отражении.

– Что за чертовщина тут происходит?! – изрядно побледнев, выдавила оборотничка, переждав, пока подпрыгнувший к горлу желудок уляжется на место.

– Если бы я знал! – поскреб макушку Виктор. – Раньше эта посуда такого не вытворяла. Великий Элвис! – Он резко вскочил на ноги и едва не треснулся головой о низкий потолок. – Я же шмотник на палубе оставил! Будь тут! – бросил он через плечо, поспешно выбираясь из каюты.

На палубе царил суматоха, правда, вполне организованная. Налетавший порывами сильный ветер заставлял маневровую команду запыленно носиться между такелажем, словно мошек-самоубийц – между сетями паутины. Байкер, доселе не видевший «Эолову арфу» во время маневрирования, ошеломленно смотрел, как вроде бы статичные составляющие мачт разъезжаются и тасуются в произвольном порядке, ловя ветер и придавая паруснику недюжинное ускорение. Отыскав взглядом отлетевший к фальшборту рюкзак, Виктор поспешил к находке. Но тут корабль еще раз хорошенько потрянуло – раскрылись прятавшиеся в бортах маневровые крылья. Байкер не удержался на ногах, прокатился по палубе и преболно треснулся плечом о фальшборт. Парусник лег на крыло, уходя от зарницы, сверкнувшей в опасной близости. Многострадальный потрепанный рюкзак вылетел за борт. От повторения его участи Виктора спас Эорлин-ши, успевший схватить байкера за руку и выдернуть под защиту своего силового поля.

– Просвиру вам в селезенку! – выругался оружейник, уныло наблюдая за тем, как его вещи исчезают внизу. – Что здесь происходит, капитан?

– Мы пытаемся обойти грозу, Виктор-ши, – деловито пояснил сильф. – Вам лучше вернуться в каюту и не путаться под парусами. Левый маневровый, лови ветер! Лови, шувгей¹ тебя заberi! Затянет! – Это уже относилось к красноволосому пиксу, несвоевременно ослабившему трос.

Стоило Виктору под прикрытием Эорлин-ши добраться до лестницы, ведущей вниз, как на палубу выбралась изрядно позеленевшая Радислава. Байкер поспешил поддержать шатающуюся подругу.

– Чего ты вылезла? – напустился он на нее. – Здесь опасно!

– Лучше я быстро и безболезненно... умру... на свежем воздухе, – судорожно сглатывая, выдавила менестрель, – чем долго и мучительно... в душной каюте...

Сильф тяжело вздохнул. Похоже, отправить пассажиров вниз не удастся. Оборотничка не вернется в каюту даже под страхом смерти, а человек не бросит ее на палубе одну.

– Идите лучше на мостик, – поразмыслив, посоветовал Эорлин-ши. – Там создано стабильное силовое поле, и никому из команды не придется отрываться от работы, чтобы прикрыть вас.

«Эолова арфа» продолжала выписывать кренделя высшего пилотажа, то резко планируя вниз, то почти вертикально взмывая вверх. Развитая парусником скорость поражала. Если бы не защитное поле капитанского мостика, Виктору с Радиславой пришлось бы несладко. Впрочем, оборотничка и без того чувствовала себя весьма паршиво, но возвращаться в каюту отказалась наотрез. На палубе ее обдуло ветром, и она перестала напоминать зеленое земноводное, но по-прежнему продолжала судорожно цепляться за байкера, а на каждом вираже меняла цвет лица с бледного на очень бледный.

Слева от парусника шла темная, почти черная клубящаяся хмарь, так и норовившая затянуть в себя корабль. Вылетающие из нее зарницы несколько раз едва не достали «Эолову арфу». Маневровая команда изо всех сил стремилась как можно быстрее вывести парусник за пределы грозы. Клубящаяся, прорезаемая молниями стена смерча начинала изгибаться, уходя прочь, впереди уже простиралось чистое небо, но до него еще оставалось несколько минут полета. Корабль потрянуло и начало заваливать на правый борт.

¹ Шувгей – нечистая сила, возникающая в виде смерча или ураганного ветра. – Здесь и далее примеч. авт.

– Левый, левый маневровый! Держи! Держи, шувгей тебя унеси! – Эорлин-ши перемахнул через перила мостика и кинулся на помощь выбившемуся из сил пиксу.

Вдвоем им удалось натянуть заполоскавшийся парус. Корабль выровнялся, но ненадолго. Очередная зарница, прорезав черную хмарь, попала в маневровое крыло. Парусник сильно встряхнуло и едва не опрокинуло на бок. По левому борту факелом запылало вышедшее из-под контроля крыло. Пикс и сильф неподвижно лежали на палубе. Отпущенный парус вольно развевался на ветру. Капитан почти сразу вскочил, пытаясь перехватить трос и выровнять полотно. Пикс, кажется, находился без сознания. Налетавшие порывы ураганного ветра так и норовили вырвать маневровый канат из рук Эорлин-ши. «Эолова арфа» все больше заваливалась на правый борт, рискуя перевернуться вверх дном...

– Мы сейчас перевернемся! – испуганно пискнула Радислава.

Байкер только мрачно кивнул, прикидывая, успеет ли он добраться до капитана раньше, чем парусник окончательно уляжется на бок. Ясно, что один Эорлин-ши не справится.

– Стой здесь, – коротко бросил оружейник, отцепляя от себя оборотничку и спрыгивая на палубу.

Помощь Виктора оказалась весьма кстати, ибо зеленоволосый сильф уже практически ехал по доскам за треплющимся парусом.

– Держи, капитан! Ровняем эту чертову тряпку! А то твоя лохань сейчас ляжет, к свиньям собачьим, и мы вместе с ней! – рявкнул байкер, хватая жесткий трос и дергая на себя.

Обрадованный неожиданной помощью, Эорлин-ши воспрянул духом, и вдвоем с оружейником им кое-как удалось вернуть коварный парус в нужное положение. Корабль перестало неконтролируемо кренить. «Эолова арфа» на сумасшедшей скорости выскочила за пределы грозowego фронта, оставляя позади клубящуюся черноту.

– Маневровые паруса – в исходную! – сорванным голосом скомандовал Эорлин-ши, выпуская из рук злополучный трос. Ветер донес запах дыма. – Крыло! Нижняя палуба! Крыло по левому борту сбрасывай!

Корабль дернуло, и пылающая плоскость, отделившись от борта, спланировала вниз. «Эолова арфа» вновь ровно заскользила под облаками, горделиво рассекая воздушный простор. Убедившись, что палуба больше не стремится уйти из-под ног, Радислава вяло проковыляла с мостика вниз и с деспотическим видом снова вцепилась в байкера. Собственные ноги отказывались ее держать.

– Благодарю за помощь, – встряхнул растрепанными волосами Эорлин-ши, протягивая Виктору руку.

– Всегда пожалуйста, – чуть поморщился байкер при пожатии. Его ободранные до крови ладони нещадно саднили.

– Ну вот, – вяло пробормотала оборотничка, заметив содранную кожу на руках оружейника. – Свинья болото завсегда найдет. Лечи тебя теперь... – Корабль чуть качнуло, и мир вокруг Радиславы резко крутанулся. – Ох, что-то мне совсем нехорошо...

– И кто кого лечить должен? – усмехнулся Виктор, бережно поддерживая девушку за плечи и подталкивая в сторону каюты.

Професс² светлейшего Общества Иисуса, наместник ордена в Нейтральной зоне, при всех своих громких званиях предпочитавший скромное обращение «брат Юлиан», неспешно прогуливался по узеньким, переложённым истертыми плитами дорожкам одного из старинных кладбищ Александро-Невской лавры. Темные, покрытые мхом саркофаги, причудливо изогнутые оградки, оплетенные плющом кресты и скорбные ангелы приводили брата Юлиана в состояние умиротворения, просветляли его голову и помогали собраться с мыслями. остано-

² Професс – член ордена, который посвящен во все его тайны и занимает высшие должности.

вившись возле склонившихся ив, уныло купавших свои длинные ветви в пруду, он отрешенно уставился на зеленую воду, испещренную желтыми черточками острых ивовых листьев. Холеные бледные пальцы иезуита вяло перебирали отполированные темные четки. Четки выглядели слишком простыми и даже откровенно бедноватыми для своего владельца, но он ни за что не променял бы их на другие: одного шарика, брошенного в воду, было достаточно, чтобы устроить небольшое светопреставление во славу Господа. Вещество, из которого изготовили эти четки, вступая в реакцию с водой, давало такой бешеный выброс энергии, что куда там малоохольному динамиту.

Казалось, профессор светлейшего ордена под действием энергетики данного места просветлился и умиротворился настолько, что решил почтить усопших и прочесть заупокойную молитву, дабы души их пребывали в свете. Но это только казалось... Любой, кто знал брата Юлиана достаточно хорошо, уже по тому, как яростно он мучил смертоносные четки, догадался бы, что разум его далек от умиротворения, а мысли – от моления. Но таковых рядом не значилось, а уткам, величаво рассекавшим зеленую гладь пруда, не было никакого дела до застывшего на берегу человека. Однако мысли иезуита все же касались личности усопшего, но, увы, не содержалось в них ни сожаления, ни грусти, – лишь голый прагматизм и раздражение. Ибо покойный решил воссоединиться с Господом как раз за день до приезда брата Юлиана в обитель. Весьма несвоевременно!

Чуть больше месяца тому назад вследствие не совсем тихо прошедшего эксперимента представителей ордена в Праге оказалась повреждена колонна Пресвятой Троицы – пражский чумной столп. В ее развороченном постаменте среди обломков брата нашли некий ларец, внутри которого обнаружили футляр для хранения свитка и истрепанный лист с надписью на Старшей речи. Свиток, находившийся в футляре, оказался девственно чист, что изрядно озадачило пражскую братию. Вероятно, свет на эту диковину пролил бы найденный там же документ, но он был настолько затерт и истрепан, что разобрать текст не представлялось возможным. Вот тут-то брат Юлиан, прибывший в Прагу по делам ордена, и вспомнил об одном скромном инокe Александро-Невского монастыря, прославшемся за неполные пять лет искусным реставратором старинных рукописей и документов. А поскольку профессор как раз направлялся с ответственным поручением в северную столицу, орденское руководство решило, что он передаст документ в Александро-Невскую обитель для восстановления. Сроку брату Андрею, тому самому искусному монаху, был настоятелем даден месяц.

Однако по новом приезде в сырой Петербург брата Юлиана ждал весьма неприятный сюрприз: инок Андрей скончался от сердечной слабости, предав душу на Божий суд. А оставленного на реставрацию документа ни при покойном, ни в келье его, ни в мастерской не обнаружилось, будто ангелы унесли онный вместе с отлетевшей душой. Хотя в последнем утверждении иезуит сильно сомневался, ибо брат Андрей оказался альвом, чем сильно насторожил подозрительного профессора. В том, что монах успешно восстановил документ, брат Юлиан отчего-то не сомневался. Не сомневался он и в том, что покойный познал суть написанного, и «кондратий» его хватил именно по этой причине. По словам настоятеля, после первого приезда иезуита и получения заказа на реставрацию брат Андрей сильно смутился, стал тревожен и просил настоятеля о великой схиме, хотел обет молчания взять. На сердце жаловался опять же...

«Что же было в той проклятой бумаге?! – покусывал губу в размышлениях брат Юлиан. – Отчего древний так задержался? Неужели познал какие-то тайные сведения, могущие сокрушить богопротивные древние расы? Да, собственно, почему нет... Правду ведь говорят: что праведнику – благодать, то нечистому – гадость...» От этих мыслей хроническое любопытство иезуита все больше воспалялось. Бумагу необходимо найти – и точка. «Ах если бы настоятель не наделал глупостей и в охватившем его страхе перед древними не заявил о смерти инокa в Будапешт! – Досчитав кругляши четок до креста, Юлиан теперь мучил тяжелую подвеску из черного камня. – Но, увы... Представители Дипломатического корпуса уже в дороге, и вряд

ли их любопытство окажется меньшим, чем мое». Он наконец-то прекратил терзать четки и зябко повел плечами. Время близилось к вечеру, и воздух наливался прохладой. Брат Юлиан, бросив последний взгляд на пруд, неспешно побрел обратно к жилым корпусам, решив, что будет день – будет пища.

Глава 3

Вечернее солнце уже начинало расцвечивать пурпуром облака, цеплявшиеся за шпиль Адмиралтейства, когда слегка потрепанный сильфийский парусник-бабочка опустился на Марсово поле, заняв место среди еще нескольких воздушных кораблей. Эорлин-ши любезно изволил сопроводить своих пассажиров на землю, уведомив, что в силу полученных повреждений «Эолова арфа» задержится в Петербурге еще на пару дней. И если досточтимые господа успеют справиться с заданием за это время, то он доставит их домой.

– Виктор-ши, Радислава-шан, всегда рад видеть вас на борту, – дежурно произнес сильф.

– Шель, капитан, Радислава-шель, – мрачно поправила его оборотничка. – Я не замужем.

Эорлин-ши сдержанно кивнул, но уголки губ все равно предательски дернулись вверх, сделав лицо сильфа заговорщицки-хитрым. Менестрель гордо вскинула подбородок, глядя куда-то в сторону и делая вид, будто ничего не заметила.

Распрощавшись с капитаном, они поспешили прочь от корабля. Радислава продолжала опираться на руку байкера: хотя после всех учиненных «Арфой» выкрутасов оставшиеся часы полета девушка проспала, ее все еще ощутимо поташнивало и пошатывало от слабости. На хилый вестибулярный аппарат менестрель отроду не жаловалась, а посему такие незапланированные выходы собственного здоровья были для нее внове. И Радислава с ужасом размышляла, что же еще в ближайшее время отколет своей хозяйке претерпевающий некоторые изменения организм.

– А вот и наш комитет по встрече, – выдернул ее из мыслей ироничный голос Виктора.

Оборотничка слегка удивленно уставилась на мальчишку лет двенадцати в сером, подпоясанном бечевкой подряснике, из-под которого выглядывали разношенные сандалеты и потрепанные джинсы.

– Дипломатический корпус? Из Будапешта? – деловито осведомился парнишка. В карих глазах плескалось любопытство.

– Да вроде того, – усмехнулся байкер, присаживаясь на корточки, чтобы малому не приходилось постоянно заирать голову для общения.

– Брату Захарию настоятелем препоручено встретить почтенных гостей и проводить в обитель. – Мальчишка изо всех сил стремился казаться взрослым и серьезным, но выходило не очень. – Только он сейчас по надобности отлучился, его дожидаться нужно.

– Нуждемся, раз надо, – хмыкнул Виктор. – Тебя-то как зовут, божий служитель?

Услышав про «божьего служителя» и еще раз окинув парнишку взглядом, Радислава насмешливо фыркнула.

– Отрок Диметрий, послушник Александро-Невской обители, – не подав виду, отрекомендовался тот. – А шрам у вас настоящий? – тут же разрушив всю напускную серьезность, полюбопытствовал мальчик.

– Нет, приклеенный, для конспирации, – едва сдерживая смех, откликнулся байкер.

– А это ваша жена? – Парнишка пытливо разглядывал Радиславу. Оборотничка чуть не поперхнулась. Да что же это такое! «Поженили» уже во второй раз за вечер. – А почему у нее глаза такие странные?

– Потому что я оборотень! – решив прервать реку вопросов, изливавшуюся из уст дотошного отрока, плотоядно усмехнулась менестрель, демонстрируя клыки во всей красе.

– Да-а? – недоверчиво протянул тот. – А вот в трудах Прокопия Зверознатца сказано, что оборотни «суть звероподобны, ужасны, волосаты зело, псиною воняют, дыхание имеют смрадное, до человека охочи немерно».

Выслушав такое определение, Радислава с Виктором дружно расхохотались.

– Ты любишь юмористическую фантастику? – отсмеявшись, поинтересовалась менестрель.

Ответить Диметрий не успел. К их веселой компании приближался худой сутулый монах, волочивший в руках туго затянутую завязками холщовую сумку, в которой что-то стеклянно звякало. Подойдя к ним, он немедленно передал сумку мальчишке и хмуро представился:

– Захарий, Александро-Невской обители инок.

Байкер с оборотничкой рассматривали второго встречающего. Седой, хотя и не старый. Темная борода прикрывает впалые щеки, а в глубоко посаженных глазах, кажущихся слишком светлыми из-за черных широких бровей, ни капли положенного монаху смирения. Оружейник мысленно хмыкнул.

– Виктор Кипелов, – отрекомендовался он. – Специальный отдел при Дипломатическом корпусе Единой всеблагодатной матери-церкви. А это Радислава, наш консультант по вопросам общения с древними расами.

Разглядев свежеепеченного «консультанта», монах невольно отпрянул назад, пробормотав себе под нос что-то вроде «свят-свят-свят», но в голос ничего не сказал, жестом пригласив дипломатов следовать за ним. Мальчишка-послушник, с усилием вскинув порученную сумку на плечо, поплелся за братом Захарием.

– Э нет, так не пойдет! – остановил его Виктор. – Давай сюда свою торбу. – Он забрал у мальчишки ношу, невольно поморщившись, когда ляжка под весом содержимого впиалась в перебинтованную ладонь.

Брат Захарий, пронаблюдав за тем, как сумка переключалась к Виктору, нахмурился.

– Ишь, радетели выискались... – сварливо проворчал он себе под нос, неодобрительно косясь на дипломатов. – Сбежались ровно падальщики, словно нам одного иезуита мало... – Последнее было сказано тихо и довольно невнятно, но байкер расслышал.

– Какого иезуита? – подозрительно осведомился он. – Давайте-ка начистоту, уважаемый. – Виктор повелительно опустил руку на плечо монаху. – Что за ересь у вас творится?! Начальство нас клятвенно заверило, что тут тепло, светло и мухи не кусают, а вы нам сахар в пиво насыпать пытаетесь!

Брат Захарий, не ожидавший таких цветистых высоколитературных оборотов, ошарашенно таращился на Виктора. Радислава, уже привыкшая к тому, что байкер все время изрекает какие-нибудь крылато-поэтические выражения, тихонько посмеивалась над впавшим в ступор монахом.

– Так что рассказывайте, зачем вас отправил сюда настоятель, – ненавязчиво подтолкнул инока к беседе оружейник, чуть-чуть сдавив пальцами костлявое плечо.

Брат Захарий перехватил запястье Виктора и сбросил его руку со своего плеча. Байкер с удивлением отметил, что хватка узловатых пальцев не уступает его собственной.

– Никто меня не отправлял, мил-человек, – хрипло откликнулся Захарий, не выдержав пронзительного взгляда собеседника. – Точнее, отправляли, но не меня. Брат Евстратий, эконом обители, из-за телесной немощи не смог прийти, в последний момент меня попросил. Все одно я с Диметрием в город собирался, за пропиткой для дерева... Резчик я, – пояснил он.

А вот это уже становится интересным. Виктор хоть и предполагал, что встречать их должны были не старик с мальчишкой, но не ожидал, что его подозрения оправдаются. Пальцем в небо ткнул и попал. Теперь главное, чтобы этот самый палец не оттяпали, дабы не тыкал куда ни попадя.

– Ладно, идемте, по дороге все расскажете, – кивнул байкер.

Вечернее солнце расплескивало свои последние лучи о серые гранитные парапеты многочисленных каналов. Золотило грязную мутную воду и искристо-медный купол Исаакиевского собора, путалось в мрачной колоннаде Казанского, превращало в расписной домик вычурный храм Спаса на Крови. Медный всадник окутывался теплым ореолом, поблескивая многочис-

ленными потертостями в самых неожиданных местах. Петербург наслаждался завершением еще одного солнечного августовского дня, грозя уже завтра задрапироваться свинцовой серостью: ветер гнал по небу клочковатые облака, трудолюбиво сбивая их в невзрачную войлочную пелену у горизонта. Радислава жадно впитывала новые впечатления, с любопытством вертя головой по сторонам и с каждой секундой все больше погружаясь в серое очарование старинных стен, от которых веяло мрачной таинственностью, просыпающейся осенней тревогой и затаенным безумием. Город оставлял в ее мятущейся душе двойственное ощущение. Привлекал и отталкивал одновременно. Отчего-то менестрель точно знала, что захочет вернуться сюда вновь, а в голове сами собой складывались новые строки:

Этот город растекся по венам
Неизбывным каменным ядом,
Я плачу дань гранитным стенам
И старинным чугунным оградом.
Как наркотик, пролившийся в кровь,
Раз попробовал – не оторваться,
Остаешься навеки со мной,
Заставляя мой сон продолжаться.
Город, город, меня не спасти —
Я попала в твою паутину,
Я мечтатель и в грезах своих
Оставляю тебе половину
От себя... и частицу косого дождя...

По счастью, ее сумка в отличие от улетевшего в неизвестность рюкзака Виктора осталась при ней. На ходу выудив блокнот, она принялась поспешно переносить мысли на бумагу. Диметрий, раскрыв рот, смотрел, как оборотничка строчит карандашом, при этом продолжая идти.

– Ого... – вырвался у мальчишки восторженный возглас.

Радислава лишь хитро подмигнула в ответ. Ей хотелось плюнуть на все, усесться прямо на мостовую и, схватившись за инструмент, выплеснуть переполнявшие ее впечатления в новой песне. Раньше она частенько так делала, повергая в недоумение случайных прохожих, вынужденных обходить и объезжать рассевшуюся посреди дороги менестрельку. Вдохновение вообще сродни некоторым естественным надобностям организма, его тоже не перетерпишь. Забывшись, девушка привычно потянулась к плечу, где обычно находилась ляжка от чехла с гитарой. Тонкие пальцы рассеянно скребанули по эполету джинсовой куртки. От неожиданности оборотничка утратила концентрацию, споткнулась и шлепнулась на колени.

– Ёть... – только и выдохнула она, осоловело тряся головой.

– Мышка, что с тобой? – обеспокоенно спросил Виктор, свободной рукой перехватывая ее поперек груди и ставя на ноги.

– Муза... – многозначительно подняла палец вверх Радислава. – Она подкралась незаметно...

– Дала по голове и убежала. Понятно, – закончил за нее Виктор. – Ты в следующий раз аккуратней, хорошо? Так и расшибиться недолго.

– Ага... – отозвалась менестрель, вперившись глазами в крайний лоток небольшого стихийного рынка, начинавшегося в нескольких метрах от них. Продавец заливался соловьем, а пожилой покупатель вертел в руках какой-то похожий на лютную инструмент. Дотошно рассматривал его, постукивал по корпусу, прислушиваясь к тихому гулу. Подкручивал колки, пару

раз перебрал по струнам. Отрицательно покачал головой и вернул инструмент на прилавок. Оборотничка резко рванулась вперед и вновь чуть не упала.

– Она... Это она!.. – простонала Радислава, повисая у Виктора на руке.

– Кто? – Байкер встревоженно косился на подругу, начиная всерьез опасаться за ее душевное здоровье.

– Квиддера моего наставника! Ты слышал, сколько этот паршивец за нее просит? – Байкер недоуменно покосился на оборотничку. – Ах да... ты же человек... Впрочем, не важно, у меня все равно нет таких денег. – Плечи менестреля поникли, она вывернулась из-под руки оружейника, провела ладонью по лицу, будто прогоняя наваждение. – Идем.

– Подожди. Как инструмент твоего наставника оказался черт знает где? Ты вообще уверена, что это он?

– Уверена. – Оборотничка зябко обхватила себя за плечи. – Незадолго до гибели Марка инструмент украли. Разворотили гостиничный номер, где мы остановились, стащили наш вечерний заработок и его квиддеру. Но это не важно, идем, я мерзнуть начинаю, сыро...

Виктор, быстро прокрутив в голове услышанное, задумчиво хмыкнул, опустил сумку на землю, цапнул Радиславу за руку и потащил к злополучному лотку. Монах с послушником изумленно глядели на разворачивающееся перед ними безобразие. Брат Захарий окончательно уверился, что приглашенные настоятелем дипломаты – еще больший источник неприятностей, чем пресловутый иезуит.

– Эй! Что ты делаешь?! Оглашенный! – Ошеломленная Радислава плелась за байкером. В глазах Виктора плясали лукавые чертенята.

Продавец, неопрятный полноватый человечек в затертом вельветовом пиджаке, едва сходявшемся на круглом брюшке, озадаченно уставился на странную парочку, резко притормозившую подле его лотка.

– Как давно у вас эта... э-э... квиддера? – сразу взял быка за рога оружейник, тыкая пальцем в инструмент, который толстячок пытался уложить в потертый кожаный футляр.

– Третий день. А что? – подозрительно осведомился тот, машинально прижимая квиддеру к груди и неприязненно глядя на Виктора пороссячьими глазками.

– А то, что буквально на днях кто-то ограбил наш гостиничный номер, – скрестил руки на груди байкер, – и в числе прочего украл инструмент моей подруги! Квиддеру. Вот эту самую! Поэтому предлагаю без лишнего шума вернуть инструмент его законной владелице.

«Законная владелица», вцепившись в локоть разыгрывающего спектакль Виктора, опасно выглядывала из-за него, жадно пожирая взглядом старинный инструмент.

– А с чего вы решили, что я вам поверю? – гонористо огрызнулся продавец. – Этот инструмент немалых денег стоит. Лакомый кусок для проходимцев...

– У него гриф надколот, – хриплым от волнения голосом произнесла Радислава, – на торце, над верхним колком по левой стороне. А на сколе буква «эм» вытравлена, готическая.

Толстячок подозрительно косился на гриф. Тот действительно был надколот, и указанная буква на сколе имела. Но это его не убедило.

– А сзади по грифу идет надпись, – уже более уверенно продолжила менестрель. – «Когда разум не находит слов, пусть говорит сердце».

Продавец принялся изучать гриф, убеждаясь в неоспоримой правоте оборотнички, но передавать ей квиддеру явно не спешил. Радислава едва сдерживала наворачнувшиеся на глаза слезы: похоже, затеянная Виктором авантюра терпит крах. Байкер, почувствовав ее напряжение, успокаивающе обнял подругу за плечи.

– К вашему сведению, сребролюбие – грех, – проникновенно выдал он, нависая над лотком, – как и воровство. А сбыт краденого – это еще и соучастие.

Несчастный лоточник тщетно пытался уловить, куда клонит этот разбойного вида субъект.

– Вот интересно, – как ни в чем не бывало продолжал байкер, – как ваши соседи по торгу отнесутся к тому, что вы берете грязный товар? Эгей, люди! – гаркнул он. – А кому краденые вещи? Подходи, не стесняйся!.. Кто свое найдет – налетай, забирай!

Немногочисленные прохожие заинтригованно заозирались.

– Тише, прошу вас! – испуганно простонал горе-продавец. – Зачем же так?! Не знал я о том ничего... Забирайте вашу квиддеру и убирайтесь с богом... – Трясущимися, потными от страха руками он затолкал инструмент в футляр и, от греха подальше, поспешно всучил Радиславе.

Менестрель прижала квиддеру к груди любовно, как родную, брезгливо косясь на толстые короткие пальцы продавца, да еще и не шибко чистые, с траурной каймой под растрескавшимися ногтями.

– Спасибо, любезнейший, – ослепительно улыбнулся Виктор, на прощание помахав скривившемуся торговцу рукой.

Тот с кислой миной глядел вслед удалявшейся парочке, мысленно подсчитывая нанесенный его торговле убыток.

Настороженно озираясь, Рид потянул на себя тяжелую дверь главного городского архива. Отворив ее ровно настолько, чтобы можно было протиснуться, архонт поспешно проскользнул внутрь. Тяжелая створка, окованная медью по краю, поддавшись сквозняку, резко захлопнулась, зажав между собой и косяком длинный подол сутаны и мстительно наподдав святому отцу чуть пониже спины. Рид по инерции шагнул вперед, послышался треск раздираемой ткани, и архонт едва не загремел на пол. Он испуганно обернулся и расстроенно воззрился на торчавший из щели приличный клоч, щедро выдранный коварной дверью из его одеяния. Тяжело вздохнув, поплелся дальше по коридору, намереваясь все же попасть на свое второе рабочее место, пусть и со значительным опозданием. А ведь он опоздал отнюдь не по собственной вине, ибо дело обстояло так...

Выслушав его сбивчивые упрёки и сетования по поводу раннего вызова и срыва первого рабочего дня на новой должности, Злата лишь страдальчески возвела очи горе, показывая, что и ее терпение не безгранично.

– Ничего, – прервала Пшертневская бесконечный поток стенаний архонта. – Значит, придется тебе совмещать приятное с полезным. От этого еще никто не умирал.

– Я всегда поражался, как в твоём прекрасном и нежном сердце может прятаться такая черствость! – сварливо простонал Рид, заламывая руки.

– Это не черствость, это профессионализм, – усмехнулась непреклонная начальница. – Но если не хочешь совмещать, можешь предложить госпоже Дончек перейти к нам в малый архив вместо Миласы. Тогда будут тебе все удовольствия в одном флаконе, а наш архив наконец-то перестанет напоминать пункт приема макулатуры.

– Что? Нет! Ни в коем случае, – возмущенно замахал руками архонт, и злокозненные очки тут же немедленно сползли на кончик носа. – Бедняжке вполне хватило прошлого «сотрудничества» с нашим доблестным отделом!

– Правильно, – согласилась Злата, одобряя его отказ от своего предложения. – Пускай хоть один мой сотрудник не занимается личной жизнью на работе. – Госпожа кардинал хитро подмигнула своему неофициальному заместителю, вогнав Рида в краску.

– Что ты такое говоришь, Златочка! – протестующе всплеснул он руками. – Лисса, то есть госпожа Дончек, просто моя коллега. По крайней мере, я надеюсь, она ею станет, если я попаду наконец-то в архив! Хотя, не спорю, она довольно милая... Но это к делу не относится! Сугубо деловые отношения, ни пядью больше!

Во время своей возмущенной тирады Рид то краснел, то бледнел попеременно. Пшертневская уже откровенно посмеивалась.

– Ладно, – прекратила она экзекуцию. – Иди работай. Но как только возникнет необходимость, я тебя вызову.

– Конечно-конечно, – уже исчезая в дверях, бросил Рид, спеша ретироваться, пока грозная начальница опять чем-нибудь его не нагрозила чисто из вредности.

И вот теперь он быстро шел по полутемному вестибюлю главного городского архива, стремясь поскорее оказаться в отведенном ему кабинете. Резко свернув в боковой коридор, архонт не успел сбавить скорость и со всего маху налетел на Лиссу, тащившую какую-то объемистую коробку.

– Ай!

– Ой!

Отец Рид и Лисса разлетелись в разные стороны, шлепнувшись на пол. Грохот оброненной коробки и выпавшие из нее глянцевые журналы красноречиво дополнили картину столкновения.

– Господи, да что же у меня за обострение хронической неуклюжести сегодня?! – раздосадованно простонал архонт, ощупывая ушибленную грудь. – Лисса, вы не сильно ударились? – участливо осведомился он. Девушка ошеломленно потирала лоб. – А все моя вина! От меня вам одни неприятности... – Рид помог ей подняться, при этом чуть не наступив на длинный подол сборчатой юбки с этнической вышивкой.

– Все в порядке, – поспешила успокоить его архивариус, выдергивая из волос изящную деревянную шпильку, чтобы заново подобрать растрепавшуюся прическу.

Длинные волнистые пряди шелком рассыпались по плечам, сделав девушку похожей на цыганку. Рид невольно отметил про себя, что с распущенными волосами она еще симпатичнее.

– Заработалась, задумалась, а тут такая приятная неожиданность. – Лисса улыбнулась, сноровисто подбирая и закрепляя волосы.

– Да уж, приятная... – Архонт потерянно переступил с ноги на ногу и, заметив разбросанные по полу журналы, принялся их подбирать. – Ого, а разве в моем ведомстве и такое водится? – выдавил он, разглядев весьма откровенную обложку с характерным зайчиком на лейбле.

– У нас много чего есть, – звонко рассмеялась Лисса, помогая ему собирать разбросанную периодику. – Вообще, журналы – вотчина Роберта. Но этот ящик кто-то забыл в моем отделе. Так уж мне с моей бюрократией везет. Иногда такое обнаруживается, что и смех, и грех... – Девушка пыталась запихнуть кипу журналов в коробку, но что-то мешало.

Рид пошарил по днищу рукой и извлек наружу отполированный металлический цилиндр с резными наверхиями-шишечками.

– Это еще что? – удивленно вытаращился он на странную штуковину.

– А фокус его знает, – отмахнулась Лисса, укладывая пикантные журнальчики в короб. – Возможно, дилдо. Наверное, в комплекте с каким-то выпуском шло. Раньше было модно с подобной прессой мелкие подарки распространять.

– О Господи! – Достойный архонт, залившись румянцем, поспешил сунуть подозрительную штуку обратно к журналам. Воображение у него иногда работало даже слишком хорошо. – Избави мя от помыслов греховных... – пробормотал он, склонив голову и тем самым пытаясь скрыть пылающие щеки. Уложив свою пачку, он подхватил злополучную тару и поднялся на ноги, тяжело вздохнув. – Куда сие непотребство тащить?

– Долго объяснять, – покачала головой девушка. – Давайте провожу. Правда, я бы и сама донесла...

– Ну должен же я хоть чем-то искупить свою неповоротливость, – обезоруживающе улыбнулся Рид...

– Итак, вернемся к тому, на чем сработал тормоз. – Виктор пытливо уставился на монаха, когда они покинули блошинный рынок и направились дальше.

Заходящее солнце золотило выступающие над деревьями купола монастыря. Радислава, все еще не решаясь перевесить квиддери за спину и прижимая ее к груди, о чем-то оживленно болтала с мальчишкой. Захарий каждый раз неодобрительно косился на них, когда Диметрий заходился звонким смехом.

– Хорошо, – хрипло откликнулся монах. – Я расскажу, но при одном условии...

– Опа... – Байкер саркастически заломил бровь, отчего его лицо приобрело еще более криминальный вид.

– Заберите отсюда мальчика, – попросил резчик. – Ему тут не место.

– Куда и с какой радости? – нахмурился Виктор. Он чувствовал, что их хотят втянуть в какие-то мутные делишки, если уже не втянули. Вот тебе и тихое задание. Права Радислава: свинья болото всегда найдет. Хотел же провести отпуск как нормальный человек, так нет, стоило выбраться из дому – тут же посыпались неприятности.

– Да хоть бы и в Будапешт или откуда там вы прибыли, – буркнул Захарий. – А здесь ему жизни не будет.

– Ох не нравится мне все это, брат Захарий, – протянул байкер. – Что-то вы темните.

– А на нет и суда нет, ничего не скажу, – склочно поджал губы монах, ссутулившись еще больше.

Виктор задумчиво разглядывал мальчишку. Любопытный, довольно неглупый, насколько он успел понять. Да уж, монастырский быт явно не для непоседливого подростка.

– Ладно, вяжемся в драку, а там посмотрим, так лупить или кастетом приголубить... – пробормотал он себе под нос. – Хорошо, по отбытии мальчик уедет с нами.

Захарий, уже расслабившись от осознания того, что не придется ничего рассказывать, сердито засопел. Но, как говорится, назвался ведьмой – изволь колдовать.

– Иезуит его в могилу свел, – выдохнул монастырский резчик.

– То есть? – не понял Виктор.

– Брат Андрей реставратором был искусным, ежели манускрипт какой старинный или книгу восстановить. А месяц назад прибыл к нам этот иезуит проклятый, бумажку какую-то привез истрепанную, вроде как документ некий, для истории важный. И с той минуты не стало Андрею покоя. Что уж там написано оказалось, не ведаю, но бумага та словно изнутри его ела, пока до погоста не довела... – Брат Захарий вдруг резко замолчал.

Байкер пытливо смотрел на него, ожидая продолжения, но монах взглядом указал вперед. Заговорившись, они не заметили, как прошли в ворота и очутились на территории лавры. Теперь Виктору оставалось только разочарованно ругаться сквозь зубы – понятно, что здесь из угрюмого резчика и слова не вытянешь. Передав ему изрядно оттянувшую плечо сумку, привлек к себе Радиславу, мрачно оглядывавшую двор.

– Мышка, от меня ни на шаг, – тихонько приказал он.

– Не больно-то и хочется, – хмыкнула оборотничка, стремясь прижаться теснее.

Святое место, которое вроде бы должно настраивать на умиротворенный и покаянный лад, пробуждало у Радиславы абсолютно противоположные чувства. Чуть заметный, а для человека и вовсе не ощутимый, душок мирры и ладана растекался по двору от распахнутых дверей церквей и часовен, вместе с примешивавшимся к нему более сильным коричневым запахом монастырской сдобы. Этот аромат заставил оборотничку брезгливо поморщиться и раздраженно фыркнуть в попытке изгнать плотно обосновавшийся в носу сладковатый запах. Виктор же, заинтересованно втянув воздух, выказал абсолютно иные мысли:

– Издеваются над гостями, черти! И так живот к хребту прилип, на ужин стопудово какую-нибудь вареную морковку подсунут, а тут пирожками разит до одурения! Чую, придется нарушить восьмую заповедь... Знать бы только, где они выпечку на ночь оставляют...

Оборотничка поспешно сглотнула прокатившийся по горлу липкий комок. Есть ей хотелось не меньше, а то и больше, чем напарнику, но противный тошнотворный запах отбивал всякое желание даже думать о еде.

По счастью, их довольно скоро избавили от пытки разлившимися по двору ароматами, соизволив проводить к настоятелю. Попросив немного обождать, провожатый растворился в полутьме коридора.

– Ну вот, сначала требуют явиться немедленно, а потом заставляют ждать, – проворчал байкер, опираясь о подоконник. – Иди сюда, – он цапнул оборотничку за лямку квиддеры, которую та перевесила за спину, и притянул к себе, – не стой посреди коридора.

– Ш-ш! – Радислава уперлась, не желая сдвигаться с места и чутко прислушиваясь. – Не бубни! Там ругаются – похоже, из-за твоего покойника... Лишняя информация еще никому не мешала, а в нашем случае тем более...

Брат Юлиан, удобно рассевшись в глубоком резном кресле, пристально буравил глазами игумена Никифора, глядя на него поверх сцепленных пальцев. Игумен в свою очередь не менее любезно смотрел на почтенного иезуита. Только в светлых глазах отца настоятеля сквозила еще и выразительная мысль, наиболее точно оформляемая в лаконичную фразу: «Как же ты меня достал...» Этот разговор являлся уже десятым по счету за последние два дня.

– Отец Никифор...

– Брат Юлиан, – устало перебил его игумен, – я не имею ни малейшего понятия, куда подевался ваш документ. Ежели он канул в небытие, то на все воля Божья... Брат Андрей должен был завершить реставрацию ровно в тот день, когда почил в бозе. Все, над чем он на тот момент работал, осталось на столе и в прилежащих ящиках в скриптории. Идите смотрите, я ведь вам не запрещаю...

Иезуит кисло взирал на отца настоятеля. Тот прекрасно знал, что все бумаги брата Андрея он перерыл сверху донизу еще в первый день своего пребывания в обители.

– Возможно, он брал работу в келью, – с нажимом предположил досточтимый профессор.

– Исключено, – жестко отрубил отец Никифор.

– Если бы я мог осмотреть...

– Келья брата Андрея была осмотрена в то злополучное утро, когда его нашли мертвым, – раздраженно вернул подачу отец настоятель.

Брат Юлиан скрипнул зубами. Просить игумена разрешить ему лично осмотреть монастырское жилище мертвого альва бесполезно. Тут отец Никифор оставался непреклонен. Похоже, придется обратиться к несколько несправедливому методу посещения столь желанной кельи...

– Засим окончим нашу беседу, – вырвал его из размышлений хорошо поставленный баритон настоятеля. – От нее ни уму – пищи, ни сердцу – покоя... Идите. Господь с вами.

Брату Юлиану ничего не оставалось, кроме как подняться из порядком надоевшего кресла и сухо откланяться. Выйдя в коридор, достойный профессор лоб в лоб столкнулся со странноватой парочкой в штатском.

«Хм, интересные сотрудники у Дипломатического корпуса, однако...» – удивленно отметил он, провожая взглядом исчезнувших в кабинете настоятеля людей, вернее, одного человека и одного оборотня.

Обдумывая, какую выгоду можно извлечь из этого занятного открытия, брат Юлиан прислонился к косяку настоятельской двери. Слух у иезуита был обычный, человеческий, а вот любопытство не уступало Радиславиному.

Отец настоятель, задумчиво поглаживая аккуратную седую бороду, разглядывал вошедших. Вид сотрудников Дипломатического корпуса при Единой всеблагодатной матери-церкви, при-

бывших на срочный вызов, вызвал у него легкое удивление, но не больше. Абсолютно спокойно выдержав нагловатый, вызывающий взгляд Радиславы, отец Никифор обратил свой взор на байкера и невесть чему усмехнулся в бороду.

– Настоятель Александро-Невской обители игумен Никифор, – почтенно отрекомендовался он.

– Виктор Кипелов, специальный отдел при Дипломатическом корпусе Единой всеблагой матери-церкви, – кивнул в ответ оружейник.

– Радислава, консультант при специальном отделе, – наступив на свою гордость, через силу выдавила менестрель.

– Занятное сочетание – оборотень и церковь, – все так же усмехаясь, протянул отец настоятель.

– Не занятее, чем альв-монах, – достаточно резко парировал Виктор, машинально обнимая Радиславу за плечи, будто стремясь защитить непонятно от чего.

– Да, вы правы, – пошел на попятную игумен.

– Скажите-ка лучше, отец Никифор, – байкер решил не тянуть кота за хвост, – неужели за те пять лет, которые брат Андрей прожил в монастыре, никто не понял, что перед ним не человек? Простите, но я в это не верю.

– Вас ведь, кажется, прислали ради освидетельствования благопристойности погребения? – в тон ему откликнулся настоятель. – Вот и занимайтесь тем, чем должны.

– Бытует мнение, что смерть брата Андрея не случайна, – якобы себе под нос, но тем не менее так, чтобы услышали, вдруг протянула оборотничка.

Виктор, не ожидавший поддержки с ее стороны, чуть вздернул бровь.

– А-а... – скривился отец Никифор. – Захарий успел с вами потолковать... Это не больше, чем его домыслы, не имеющие оснований. Два старых угрюмца... Захарий и его подмастерье-послушник – единственные, с кем брат Андрей уж если не водил дружбу, то хотя бы общался...

– Брат Захарий знал о том, кто такой на самом деле брат Андрей? – прервал настоятеля Виктор, стремясь подтвердить все крепнущие подозрения.

– Не имею права раскрывать тайну исповеди, – уклончиво вывернулся игумен.

– Значит, знал... – Байкер поскреб заросший щетиной подбородок, делая мысленную пометку: стробовать со Златы по возвращении молока за вредность, ну или хотя бы прибавку к жалованью на лишнюю бутылку пива. – И это, нам бы тело посмотреть... Так, для проформы...

– Вас разместят в гостевом флигеле, – сменил тему отец Никифор. – К телу проводят. Поскольку ужин вы пропустили, зайдите на кухню, вас накормят. – Настоятель сделал движение рукой, давая понять, что аудиенция окончена.

Выходя из кабинета, Радислава различила удаляющиеся по коридору шаги. Человек, весь их разговор тихонько простоявший под дверями настоятельской кельи, спешил ретироваться, дабы остаться неузнанным. Оборотничка саркастически хмыкнула. Глаза и уши можно обмануть, но не нос. Никуда любопытный шпион не денется, ибо она легко опознает его по запаху. Но сначала действительно нужно поесть.

Брат Юлиан поспешно удалялся от дверей кабинета отца настоятеля, на ходу перебирая четки и раскладывая по полочкам полученную информацию. Значит, брат Захарий был дружен с покойным, более того, знал о некоторых его, гм, особенностях... Это открывало профессу совсем другую картину и иные возможности поиска. Хотя келью он все-таки осмотрит, а потом наведается к угрюмому монастырскому резчику... Думается, им найдется о чем поговорить.

Короткие августовские сумерки все уплотнялись, перетекая в темно-серую питерскую ночь. Легендарные белые ночи уже миновали, но настоящая темнота еще не успела обосноваться на своем законном месте. Провожатый, молоденький монах, сначала приведший их в

часовню к гробу покойного, а теперь сопроводивший до флигеля, деликатно попросил странноватых гостей как можно скорее погасить освещение в комнате. Те лишь пожали плечами, мол, надо так надо. Радислава и без того прекрасно видела в темноте, а Виктору было все равно.

Возле дверей отведенной им комнаты они вдруг столкнулись с братом Юлианом. Иезуит, коротко отрекомендовавшись, пожелал своим соседям по флигелю спокойной ночи, бросив мимоходом:

– Держите свою напарницу на коротком поводке, сегодня все-таки полнолуние, – и с гнусной ухмылочкой скрылся в своей комнате, даже не подозревая, какой неприятности избежал своим проворством.

Радислава разжала пальцы на запястье Виктора лишь минуту спустя, когда байкер понял, что вырваться бесполезно. Тяжелый метательный нож рыбкой скользнул обратно в рукав.

В комнате оборотничка устало плюхнулась на одну из кроватей и вынула квиддеру из футляра. Мужчина, опершись о спинку кровати, глядел на худенькую девичью фигурку, теряющуюся в полумраке.

– Ничего страшного не произошло, – вздохнула менестрель. – За все прожитые годы и не к такому привыкаешь...

– Извини, но я как-то не намерен привыкать к тому, что мою любимую оскорбляет всякая иезуитская дрянь, – огрызнулся Виктор, машинально потирая запястье.

Радислава молчала, подкручивая колки и вслушиваясь в звучание струн. Каждый звук – маленькая жизнь... И лишь все вместе, сплетаясь в созвучие, они создают единый поток, который сначала струится по капле, а потом льется все сильнее, превращаясь в полноводную реку: врывается в пересохшее русло, возрождаясь и возрождая. Оборотничка замерла, прислушиваясь к себе. Луна, заглянув в окно, высеребрила рассыпавшиеся по плечам волосы. Менестрель тронула струны, исполнила замысловатый перебор, осталась довольна и задумчиво обхватила корпус квиддеру, глядя перед собой, будто что-то вспоминая. Тогда тоже был вечер... И музыка, за которую она так и не отблагодарила его, пусть Виктор и играл тогда исключительно показухи ради. Пальцы сами собой прижали нужный аккорд, роившиеся в голове слова сложились в напевные строки, а голос стал еще одной струной:

Сияя тусклой позолотой,
Мольбой безмолвною крича,
Она с отчаянной охотой
Мечтала смертной стать гарротой,
Сестрой скрипичного ключа.

Уже давно, в тиши музея,
Она ленилась петь и жить,
Забыв, что каждый день глаза,
Как будто в стенах Колизея,
Мечтали люди ей служить.

Ее изящная фигура
Блюла себя сквозь сны и мари,
Волнуя сердце балагура,
Рождая поцелуй Амура,
Но, помня руки Страдивари,

Подобно копьям божьей рати,
Ее смычок бывал остер,

Ведь, звук и дух сплетя так кстати,
Ее родню создал Амати,
Но кто-то бросил на костер.

Ее считали высшим вкусом,
Елеем и росой с небес,
А нарекли потом искусом,
Нечистой похоти укусом,
Что миру дал коварный бес.

О, как она когда-то пела,
Прекрасней трели соловья,
Она рыдала и кипела,
Кровь на струне ее алела,
Твоя... А может, и моя...

Ее теряли... Находили...
Дарили милости взамен,
Как будто женщину, любили,
Но позже душу в ней убили,
Витрины обрекли на плен.

Она впитала дух веков,
Волнение жизни, запах гари,
Раба, но вечно вне оков,
Творенье муз, дитя богов,
Простая скрипка Страдивари...

– Спасибо! – шепнул Виктор, наконец-то сумев проглотить застрявший в горле комок. – Это настоящее волшебство!

Менестрель отблагодарила его выразительной улыбкой. И вновь все затихло. Радислава продолжала сидеть с квиддерой в руках, не в силах оторвать взгляд от паутины лунного света на полу.

– Что, и спать с ней в обнимку будешь? – ехидно осведомился байкер минуту спустя, пытаясь хоть как-то разбить повисшую в воздухе тревожную тишину.

– Ага... – рассеянно откликнулась Радислава, все так же глядя в одну точку и машинально поглаживая выпуклый бок квиддеры.

Кровать скрипнула и просела под тяжестью еще одного тела. Менестрель не удержала равновесия и привалилась к плечу оружейника.

– А как же я? – с наигранной обидой возмутился он, сгребая оборотничку в охапку вместе с инструментом. – Мышка, не сердись. Одному мне холодно и одиноко...

– Ей тоже, – фыркнула Радислава, осторожно укладывая инструмент на кровать и любовно проводя пальцем по лакированному боку. – Мне проще ее согреть, а ты вон какой здоровый.

– Хорошего человека должно быть много, – иронично хмыкнул Виктор, откидываясь на подушку и увлекая за собой подругу.

В коридоре скрипнула соседняя дверь. Оборотничка мигом встрепенулась, вывернувшись из рук байкера, скатилась на пол и на четвереньках кинулась к двери. Замерла, прислушиваясь к крадущимся шагам. Хлопнула внутренняя, а затем и входная дверь.

- Родная, ты что? – озадаченно уставился на нее Виктор.
- Наш сосед куда-то ушел, – буркнула менестрель, поднимаясь и отряхивая колени.
- Ну мало ли, приспичило мужику, – лениво отмахнулся байкер.
- Удобства, к твоему сведению, внутри. Они в противоположном конце коридора. – Ради-слава принялась раздеваться, намереваясь перекинуться. – Прослежу-ка я за ним. Отвернись!
- Не проследишь, – спокойно ответил мужчина, перехватывая ее руку. – Проследим. Одну я тебя разгуливать по лавре не отпущу, да еще в таком виде.

Глава 4

Ночь – время отчаянных. Темнота усугубляет все ощущения, ночная прохлада бодрит, и адреналин выделяется в сумасшедшем количестве, прибавляя сил. Ночь придает пикантную остроту даже самой обычной прогулке, а уж необычной – тем более...

Брат Юлиан почти неслышно скользил меж ухоженных монастырских клумб, усаженных белыми и алыми розами. Равнодушно плыла по небу луна, обливая серебром все вокруг и роняя скудный свет на выложенные разноцветными плитками дорожки. Но представитель ордена иезуитов в Венгрии в дополнительном освещении не нуждался. Хлебнув перед выходом эликсирчика из секретных разработок ордена, он прекрасно видел в темноте. Наутро, правда, потребление одного настоя грозило аукнуться страшной головной болью, но ради правого дела профессор был готов смириться с побочным эффектом чудо-зелья.

В столярной мастерской, несмотря на поздний час, все еще светились окна. Кто-то вопиюще нарушал монастырский распорядок, трудясь во имя Божье даже после захода солнца. Брат Юлиан криво усмехнулся. Расспросив будто бы невзначай нескольких послушников, он довольно быстро выяснил, что брат Захарий частенько ночует в мастерской, засиживаясь допоздна с работой. А на все упреки отца настоятеля отвечает, что в какой час и сколько трудиться во славу Бога – это его личное дело. И сейчас такое упрямство оказалось иезуиту на руку. Ибо когда еще представится другой случай побеседовать с угрюмым резчиком без свидетелей.

В мастерской терпко пахло деревом, морилкой и немного подсолнечным маслом. Настольная лампа на длинной суставчатой «ноге» цаплей нависала над верстаком, чуть поблескивая облезлым помятым абажуром. Захарий наблюдал, как мальчишка-подмастерье переносит узор с кальки на широкую доску. Из-под детской руки выныривал то замысловатый побег растения, то диковинный зверь, то ангел. Иногда резчику казалось, что узор наливается теплым светом и начинает пульсировать. Да, мальчишка определенно талантлив, но таланту его в монастыре не место... И не только таланту...

Снаружи послышались едва различимые шаги. Брат Захарий напрягся.

– Диметрий, слазай-ка наверх, посмотри, высохли там заготовки, что мы вчера в масле варили. Если высохли, рассортируй.

Мальчишка неохотно оторвался от рисунка, но послушаться наставника не посмел. Захарий разрешал ему засиживаться в мастерской допоздна, когда все уже спали, покрывал некоторые мелкие шалости, защищал от старших мальчишек. За это Диметрий готов был мириться с грубоватым обращением резчика и его тяжелым характером.

Подоткнув длинный подол подрясника, отрок проворно вскарабкался по узкой деревянной лестнице на чердак. Стоило мальчишке скрыться в чердачном проеме, как дверь мастерской скрипнула и на пороге возник брат Юлиан. Захарий хмуро уставился на ночного посетителя. Он догадывался, что рано или поздно иезуит придет. Только лучше бы это случилось чуть позже, чтобы мальчишки в монастыре уже не было. Достойный профессор змеей проскользнул в глубь помещения и остановился напротив резчика.

– Думается мне, нам есть о чем потолковать, брат мой, – с легким акцентом произнес он, хищно разглядывая сухощавого инок.

Тот мрачно буравил его взглядом из-под насупленных бровей. Узловатые пальцы сами собой нашарили в ящике с инструментами тяжелый резец.

Диметрий в нерешительности застыл у чердачного люка, привалившись к стене, не зная, спускаться ему или подождать, пока неурочный гость соизволит уйти. Осторожность требовала оставаться на месте, природная сообразительность подсказывала, что брат Захарий наме-

ренно услали его подальше от досужих глаз, а неумное любопытство требовало немедленного удовлетворения. Поколебавшись, мальчишка все-таки приник к щели в чердачном полу.

– ...где документ? – приглушенно донеслось снизу.

Брат Захарий молчал, угрюмо глядя на посетителя.

– Не хотите говорить, я обращусь к вашему подмастерью... Мальчишки ведь любознательный народ. К тому же есть разные зелья... – Договорить брат Юлиан не успел.

В мастерской послышалась невнятная возня, раздался глухой стук, и Диметрий поспешно зажал себе рот, чтобы не закричать. Лампа внизу, повинувшись чужой руке, погасла. Мальчишка испуганной мышью шарахнулся к чердачному окну и, протиснувшись в него, кубарем скатился по внешней лестнице...

– Надо было тебя на поводок взять, – проворчал Виктор, кладя руку на холку волчицы.

– Ну извини, – недовольно откликнулась та, – естественная потребность... К тому же этот куст и так метили все кому не лень.

– Ты разумное, высокоразвитое, культурно продвинутое существо, ты должна быть выше низменных инстинктов, – легонько щелкнул ее по уху байкер. – След не потеряла? – деловито осведомился он.

– И что бы ты без моих «низменных инстинктов» делал? – насмешливо фыркнула оборотничка, утыкаясь носом в землю.

– Спал бы спокойно в уютной комнате на теплой кровати, – насмешливо откликнулся мужчина.

Следы отправившегося на ночную прогулку по лавре иезуита привели их сначала к келье приснопамятного брата Андрея. Бесцеремонно обшарив комнатку вслед за братом Юлианом и не найдя там ничего достойного внимания, уважаемые господа дипломаты, крадась, аки тати в ночи, двинулись дальше. Следы, петляя меж ухоженных клумб, вели к мастерским, что немало озадачило Виктора.

– И не спится же паршивцу в ночь глухую, просвиру ему в селезенку! – осуждающе пробормотал он, спотыкаясь впотьмах.

Радислава напряженно застыла, поводя носом. Байкер почувствовал, как по ее телу пробежала волна дрожи. Шерсть на загривке вздыбилась. Оборотничка боролась с желанием плюхнуться на зад и завывать от разлитой в воздухе злости и смерти... дурной смерти. Из приоткрытой пасти вырвался не то стон, не то скулеж.

– Радислава... Рада... – будто сквозь вату донеслось до сознания. – Что случилось?

Виктор присел на корточки, обхватив волчицу за шею. Та встряхнулась, избавляясь от захлестнувшего наваждения.

– Кровью пахнет, – сдавленно произнесла она, – человеческой...

– Та-ак, дело пахнет керосином, – понимающе протянул оружейник, вставая и решительно подходя к двери столярной мастерской.

Оборотничка тенью скользнула за ним.

– ...! – только и смог сказать мужчина, очутившись внутри. Глаза худо-бедно приноравливались к скудному освещению. А люющего в окошки лунного света оказалось достаточно, чтобы очертить застывшее на полу человеческое тело с нелепо раскинутыми руками. На досках растекалась приличных размеров темная лужа.

– Брат Захарий... – уныло констатировала волчица, приближаясь к телу и брезгливо отряхивая ставшие влажными лапы. – Похоже, иезуитский выродок нас опередил...

– С чего ты взяла, что это он? – Виктор склонился над убитым и, аккуратно подцепив за подбородок, повернул голову мертвеца набок. Бледный лунный свет озарил жутковатую равную рану на шее. – Вон какая дырка, будто его оборотень грызнул. Но ты вне подозрений,

милая, – поспешил добавить он, увидев, что верхняя губа Радиславы возмущенно вздергивается, недвусмысленно обнажая клыки.

– С того. – Волчица, стараясь не влезть повторно в кровавую лужу, обнюхивала одежду покойника. – Ведь это он стоял под дверью кабинета настоятеля, когда мы туда вошли, и слышал весь разговор. А еще на одежде мертвеца остался его запах... И к твоему сведению, оборотень всегда хватает за горло пастью, а здесь явно использовались какие-то крючья или когти...

– «Кошачья лапа», – задумчиво произнес байкер, что-то прикидывая. – Паршивая штука, предназначенная как раз для таких вот подленьких неожиданных ударов. С нею очень хорошо под зубастую нечисть косить...

«Зубастая нечисть» легонько прихватила оружейника за локоть, привлекая внимание.

– На чердаке кто-то есть... – хрипло прошептала она.

– Мхм, – невнятно хмыкнул Виктор, поднимаясь на ноги и бесшумно скользнув к лестнице. В руке тускло блеснул метательный нож.

Он успел одолеть почти две трети лестницы, как вдруг на него бросилась какая-то темная тень. Байкер инстинктивно дернулся в сторону – и удар тяжелого, подбитого гвоздями ботинка пришелся в плечо, а не в лицо. От неожиданности Виктор не удержал равновесия и скатился вниз. Пронзительно взвизгнула оборотничка, которой он умудрился придавить не то лапу, не то хвост. Нападавший, прыжком одолев расстояние до двери, выскочил наружу. Виктор с Радиславой лишь немногим позже выбежали за ним.

Беглец, наплевав на всякие приличия, рванул прямо через клумбы, цепляясь за розовые кусты длинными полами одеяния, а гнавшиеся за ним дипломаты еще больше расширили образовавшуюся просеку, окончательно испортив труды монастырского садовника. Вдоволь попетляв по двору, все трое вылетели на один из четырех лаврских некрополей. Преследователям пришлось значительно снизить скорость, дабы не налететь впотьмах на какой-нибудь памятник или оградку, а вскоре Радислава и вовсе остановилась, тщательно принохиваясь.

– Потеряла?.. – Байкер присел возле нее на корточки.

– Нет... – Волчица поджала левую переднюю лапу, давая ей передохнуть. Поджившие за день ожоги вновь дали о себе знать. – Вон туда он побежал...

След уводил к увитому плющом провалу входа в чей-то старинный склеп. Виктор, положив руку на холку волчицы, вместе с ней проник внутрь. Широкие, низкие ступени скользили. Но стоило спуститься на несколько метров, как распахнутая каменная дверь за их спинами натужно скрипнула и с грохотом встала на место.

– Эй! – Оружейник кинулся к выходу, опоздав лишь на долю секунды, и в сердцах треснул по плите кулаком. Отодвинуть ее изнутри не представлялось возможным. Плита прочно села в пазы, да и весила немало.

Радислава застыла рядом, прислушиваясь, и разочарованно выплюнула зажатую в зубах тряпку.

– Ушел, – констатировала она, усаживаясь на ступени. – Эх...

Прекратив попытки сдвинуть тяжелую входную плиту, Виктор поднял и расправил приращенную оборотничкой тряпку, оказавшуюся иезуитской сутаной. Вот, значит, как этому паршивцу удалось повернуть трюк со склепом: он оставил внутри свою вещь, а сам караулил у дверей. В запале погони они этого не заметили! Радислава устало прикрыла глаза. Решив позволить себе маленькую слабость, легла, положив морду на лапы. Организм настойчиво требовал вернуть его в человеческое состояние. Все-таки в том, что они попались, была ее вина. Уже сейчас ее существо отказывалось полностью принимать вторую ипостась, подсовывая подлянки вроде этой, а через месяц-полтора она и вовсе не сможет перекидываться... месяцев эдак шесть... Только как бы вот набраться смелости и осчастливить этим сообщением Виктора – непосредственного, гм, участника происходящего и виновника неотвратимых последствий?

– Мышка, что ты скисла? – ободряюще потрепал ее за ушами байкер.оборотничка привычным движением уклонилась из-под его руки. – Выберемся, не впервой... – Мужчина пошарил по карманам и, выудив потертую зажигалку, щелкнул кремнем. Огненная капелька пламени вначале застыла неподвижно, а затем зазывно склонилась в сторону, повинаясь почти неошутимому дуновению сквозняка. – Как насчет проверить вон тот темный угол?..

Брат Юлиан шипел, словно рассерженная гадюка, обрабатывая глубокий длинный порез на предплечье. Перекись, попадая в рану, вторила ему столь же сердито, и от этого создавалось впечатление, будто кто-то разворошил змеиное гнездо, обитатели коего теперь злобно выражают свое неудовольствие по этому поводу. Покончив с перевязкой, достойный профессор скептически осмотрел распоротый, пропитавшийся кровью рукав. Рубашку теперь только выкинуть, и чем скорее, тем лучше. Да и бог с нею – наденет запасную. А вот сутаной пришлось пожертвовать безвозвратно. И почтенному иезуиту очень хотелось верить, что жертва эта была не напрасной. То, что погоня попала на его уловку в склепе, оказалось чистой воды удачей.оборотничка, так уверенно шедшая по следу, дала маху, заведя себя и своего дружка в наспех сооруженную ловушку.

«Проклятая нелюдь! Если бы не счастливая случайность, куковать бы досточтимому профессу в застенке... И это в лучшем случае...»

Брат Юлиан брезгливо поморщился, вспоминая досадное происшествие в столярной мастерской. Попытка надавить на несговорчивого резчика закончилась плачевно. Да кто ж знал, что он с ножом бросится?! Иезуит едва успел закрыться рукой, а дальше сработали годами оттачиваемые рефлексy, ну и безотказная «кошачья лапа», укрепленная на запястье. Нанесенный удар, как всегда, стал смертоносным и безукоризненно точным, но только сегодня досточтимый принципал предпочел бы промахнуться... А-а-а, ладно, ведь снявши голову, по волосам не плачут, что уж теперь метаться.

От лобового столкновения с дипломатами его спас почудившийся на чердаке шорох. Не полезь он проверять, уперлись бы нос к носу с оборотничкой, и тогда никто бы не поручился за исход. А так он жив, хоть и слегка потрепан, что уже хорошо. Но до сих пор остается без столь необходимого документа, увы...

Иезуит осторожно открыл темную шкатулку, изнутри обитую бархатом, и задумчиво уставился на тускло поблескивающие крышечки, размышляя: хлебнуть ли какого-нибудь бодрящего эликсира или предоставить организму естественный отдых. Склонившись в пользу последнего, он закрыл ящичек. А затем устало вытянулся на кровати, стараясь не думать о том, что грядущее утро встретит его изнуряющей мигренью...

Об умерших не принято говорить плохо... Но неизвестного архитектора, строившего некий злосчастный склеп, возведенный на одном из монастырских погостов, следовало считать большим оригиналом. И это еще мягко выражаясь, ибо как по-другому можно назвать человека, устроившего черный ход в усыпальнице? Не иначе как для выгула упыристых родственничков, не спешащих упокоиться с миром, а продолжающих пить кровушку даже в посмертии, правда, теперь уже отнюдь не фигурально.

Вот эти-то мысли Виктор и озвучивал, не скупясь на витиеватые обороты, попутно пытаясь хоть чуть-чуть увеличить щель между окованной железом дверью и каменным косяком. Увы: то ли вышеупомянутые упыри за эти годы благополучно перемерли, то ли они пользовались оставленным нараспашку парадным входом, но злополучную дверь заклинило на ржавых петлях так, что ни туда ни сюда. Байкер помянул вслух всю нечистую силу, перечислив ее родню до седьмого колена, и усилил нажим... Поскольку молодецкой силушки байкеру было не занимать, дверь здраво решила, что дешевле поддаться, и со скрипом сдала свои позиции

еще сантиметров на двадцать, образовав вполне приличный зазор. Из показавшегося коридора тянуло сыростью. Радислава, прихрамывая, подошла к двери и сунула нос в щель.

– Ф-ф-ф-ф! Болотом разит!

– Мышка, может, ты обратно перекинешься? – сочувственно спросил Виктор, глядя на ее поджатую лапу.

– Не имею никакого желания шляться по подобным местам нагишом, – несговорчиво буркнула оборотничка, понимая, что, если в течение часа они не выберутся наружу, тело сменит ипостась самостоятельно, не спрашивая разрешения у нерадивой хозяйки, а попросту отправив оную в глубокий обморок.

Коридор оказался неширок. Противоположной стены можно было свободно касаться отставленным локтем, если бы кому-то в голову пришла такая идея. Затхлый воздух полнился влагой. Под некоторыми неплотно лежащими плитами иногда похлопывало. Ответвлений и развилок здесь не обнаружилось, так что заблудиться вроде бы не грозило. Но ход все время неуклонно шел вниз, и это настораживало, а спустя три пролета начало откровенно нервировать Радиславу. Последние несколько минут она уже ковыляла на трех лапах, болезненно поджав четвертую. Зато в подземелье стало значительно суше. Оборотничка уже едва брела, вывалив язык, как вдруг за очередным поворотом они уперлись в основательную, окованную железными полосами дверь, из-под которой в коридор выбивалась узкая полоска света. Слышно было, как по ту сторону кто-то ходит, напевает себе под нос, шуршит страницами и звучно прихлебывает из чашки. Волчица мгновенно воспрянула духом и заинтересованно подалась вперед: за дверью пили кофе.

– Кажется, мы куда-то пришли, – констатировал Виктор, рассматривая добротную дубовую дверь. Кофе он, конечно, не учуял, а вот шаги различил. – Мышка, прекращай маскарад, нечего пугать своим экзотическим видом возможный ужин.

Радислава сдавленно хихикнула и отступила в темноту. Обратно в человеческий облик ее вышвырнуло с такой скоростью, что не помогли даже гасящие боль татуировки. Отдышавшись, она с трудом поднялась на ноги. Байкер тут же набросил ей на плечи свою рубашку. Путаясь в слишком длинных рукавах, менестрель зябко переступила босыми ногами.

– Ий! – пискнула она от неожиданности, когда Виктор подхватил ее на руки.

– Так ведь значительно лучше, а? – хитро подмигнул он и требовательно постучал ногой в дверь.

Шаги и шуршание по ту сторону немедленно стихли. Неизвестный обитатель подземелья постарался как можно тише подкрасться к входу.

– Кто там? – донесся до неурочных посетителей жеманный, довольно высокий, но явно мужской голос.

– Сто грамм, – грубовато откликнулся байкер, понимая, что от этих самых грамм он бы сейчас точно не отказался. В подземелье было не так уж тепло. – Давай наливай... тьфу, открывай!

– Я не пью, – сдавленно пискнули из-за двери.

– Значит, нам больше достанется! Открывай живее, замерзли в зюю... – Оружейник еще раз недвусмысленно двинул ногой по двери, намекая, мол, а иначе выломаем.

Оборотничка чуть шевельнулась, пробормотав что-то невнятное. Виктор удивленно покосился на подругу: пригревшись у него на руках, Радислава умудрилась почти мгновенно задремать и теперь совершенно не желала возвращаться в реальность.

– Эй, за дверью, – на полтона тише, но не менее напористо продолжил байкер. – Открывай!..

– А-а зачем? – глупо спросили оттуда.

– Г-господи... – выдохнул сквозь зубы Виктор. – Затем, чтобы я зашел, дурень!

Под дверьми мялись и сопели, что-то лихорадочно обдумывая, затем раздался тяжелый, какой-то обреченный вздох.

– А вдруг вы станете меня грязно помогаться? – подозрительно спросил подземный житель.

– Чего?! – возмутился байкер. – Да на кой ляд ты мне сдался! Открывай, просвиру тебе в селезенку!

– Поклянитесь, что не будете меня помогаться! – надрывно донеслось изнутри.

– Еще слово – я выбью эту дверь к едрене фене и помогаться будет некого! – рявкнул доведенный до белого каления Виктор, от всей души въезжая берцем по доскам. Двери жалобно крикнули, отказываясь безропотно терпеть подобные надругательства.

– Ладно, ладно, – пошли на попятную там, – капитулирую перед грубой силой, на милость победителя. – Брякнул убираемый засов. – Но я буду кричать!

– Да ради бога, – буркнул Виктор, щурясь на яркий свет. – Кричи на здоровье...

Первое, что заметил байкер, когда глаза привыкли к освещению, – нишу с цветастым полосатым тюфяком. Хозяйски прошествовав через комнату, он осторожно уложил на тюфяк мирно посапывающую Радиславу. Менестрель что-то жалобно пробормотала и свернулась клубочком. Виктор машинально пошарил глазами по комнате, разыскивая, чем бы ее укрыть.

– Эй, это же моя ниша для медитаций! – обиженно возопили от дверей.

– Да не ори ты! Не видишь, человек спит! А нирване все равно, откуда ты в нее войдешь! – огрызнулся байкер, продолжая шарить взглядом вокруг, пока не наткнулся на гостеприимного хозяина... И это его предлагалось «грязно помогаться»?! У Виктора вырвался нервный смешок.

У двери, комкая громадный клетчатый носовой платок, стоял парень ростом едва ли выше Радиславы. Совсем еще мальчишка, хорошо если хоть годков двадцать с натяжкой наберется. Довольно длинные платиново-белые волосы стояли дыбом, словно их обладателя хорошенько стукнуло током или его прическу обработал безумный парикмахер. А посреди «взрыва» торчала лихо заломленная набок шляпка-цилиндр с изумрудно-зеленой лентой. На чем аксессуар держался, для Виктора осталось загадкой. Еще более дико смотрелся черный галстук-бабочка на худой голой шее. Огромные глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами, перепуганно изучали непрошенных гостей. Сиротливо болтался на длинной цепочке надтреснутый монокль. Поняв, что никто не собирается на него набрасываться, хозяин подземных апартаментов бочком проскользнул к низкому столику на гнутых ножках и проворно подцепил пол-литровую кружку, прятанную среди разбросанных по столешнице книг. От кружки расползлся горьковатый кофейный дух. Байкер наконец-то заметил валявшуюся в кресле-качалке кошму и заботливо укутал свернувшуюся клубочком оборотничку. Подземный житель, вцепившись тонкими пальцами в чашку, продолжал настороженно рассматривать Виктора. Худые руки чуть подрагивали от напряжения. Не выдержав такого издевательства, кофе выплеснулся через край, залив светло-серую жилетку, надетую прямо на голое тело. Дымчатым бридгам повезло чуть больше: на темном фоне пятна оказались не так заметны.

Оружейник опустил в качалку и устало вытянул ноги.

– Здравствуй, Кэрролл Новый год... – будто ставя диагноз, пробормотал байкер, разглядывая завершающий штрих в облике парня: из-под бриджей выглядывали трикотажные гольфы в красно-белую полоску. На пальце левой ноги красовалась изрядная дырка.

Воплощение Безумного Шляпника стыдливо переступило с ноги на ногу и поспешно обуло растоптанные туфли с медными пряжками, стремясь сгладить конфуз.

– Я не Кэрролл, – вкрадчиво, как буйно помешанному, и максимально вежливо ответило чудо в шляпке, тоскливо глядя на свое любимое кресло, занятое здоровым жилистым грязным мужиком, чье пересеченное шрамом, заросшее черной щетиной лицо навевало мысли о кистенях и большой дороге. – Вполне вероятно, вы обознались и...

– Кэрролл – это писатель, балбес! Он помер, когда тебя еще в проекте не было. – Байкер подавился зевком и поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. – Кстати, а тебя-то как зовут, чудо в перьях?

– Жозеф Дезире, – гордо вздернув остренький подбородок, ответил парень. – Для друзей Жози, но к вам это не относится!

– Ну и слава богу, – пробормотал оружейник, тщетно пытаясь держать открытыми слипающиеся глаза. – А я – Виктор... Мы с подружкой выпьемся у тебя, а поутру откатим... Не переживай... – Прекратив бороться с отяжелевшими веками, достойный сотрудник специального отдела при Дипломатическом корпусе Единой всеблагодатной матери-церкви расслабленно откинулся в кресле и залихватски захрапел.

Жози в безмолвном вопле поднял лицо к потолку. Затем душевно отхлебнул из кружки и тут же брезгливо скривился: пока он препирался с наглым пришельцем, кофе успел безнадежно остыть.

Тихое августовское утро, уже по-осеннему прохладное, неспешно принимало в свои объятия сонный Будапешт. Стелилась над Дунаем полупрозрачная туманная дымка, спешили на рынок еще сонные жители, зябко кутаясь в куртки и ежась от утренней свежести, изгонявшей остатки сна. От распахнутых дверей кондитерской расползлся вкусный дух свежей выпечки. То тут, то там начинали петь колокола, призывая добродетельных граждан к заутрене. Мелкая лохматая собачонка, пулей вылетев из подворотни, пронзительно обгавкала проходившего мимо мужчину в сутане, даже попыталась цапнуть его за подол. Но не преуспела – прохожий поспешил ретироваться с ее территории, бормоча на немецком что-то нелестное в адрес беспардонной животины.

Досточтимый отец Габриэль Фарт никогда не питал особой любви к собакам, за что друзья человека с не меньшим энтузиазмом платили ему той же монетой. Вот кошки – другое дело. Казалось, не существовало на земле такого усатого-полосатого, с которым Габриэль не смог бы найти общий язык. Якоб фон Кройц частенько шутил, что уже за одно это отца Фарта стоит сжечь на костре. Новоиспеченный великий инквизитор Нейтральной зоны вспомнил друга и усмехнулся своим мыслям. В конце концов, знаменитый кардинал Ришелье тоже питал симпатию к кошкам, что не помешало почтенному прелату оставить яркий след в мировой истории, а заодно стать кумиром для весьма начитанного отца Фарта.

В силу полученного приказа о новом назначении на безусловно высокую и достойную должность вчера вечером святой отец Габриэль Фарт прибыл в Будапешт, дабы занять предложенное место. Отказавшись от предоставляемых апартаментов безвременно почившего Христовала Саграды, он скромно разместился в гостинице, решив на досуге подыскать себе подходящее жилье. А сегодня господину инквизитору предстояло не только ознакомиться с новым местом службы, но и встретиться с представителями пресловутой «ложки дегтя», неизменно прилагающейся к бочке с медом, пусть и довольно сомнительной. «Ложкой дегтя» местные представители Серого ордена ничтоже сумняшеся именовали весь Дипломатический корпус при Единой всеблагодатной матери-церкви. Ни те ни другие не питали особой любви друг к другу, а после того, как почтенные дипломаты приложили руку к разрушению резиденции своих оппонентов, взаимная неприязнь только усилилась. И теперь Габриэлю предстояло стать хлипкой прослойкой между молотом и наковальней, чтобы хоть немного сгладить острые углы обоюдного неприятия.

Кстати, сегодня он покинул скромный гостиничный номер в такую рань отнюдь не ради осмотра предоставленного ему кабинета и уж точно не для плетения словес с главой Дипломатического корпуса. Проснувшись с первыми лучами солнца и взбодрившись холодным (как назло, вчера вечером гостиница осталась без горячей воды) душем, отец Фарт отправился на кладбище. Уже много лет, куда бы Габриэль ни прибывал, он перво-наперво удостаивал своим

посещением наиболее старый некрополь. Странная привычка – первым делом отправляться на местный погост. Но Фарт ничего не мог с этим поделать: стоило ему ступить на незнакомые улицы очередного населенного пункта, как ноги сами собой выводили его к юдоли скорби. Будапешт тоже не стал исключением, но вчера святой отец слишком устал, чтобы совершать подобную экскурсию, да еще на ночь глядя. А сегодня за утренним кофе, покусывая хрустящий тост, господин инквизитор внимательно изучил приобретенную накануне карту города и аккуратно обвел кружочком приглянувшееся место. Из всех последних приютов старинного города его выбор почему-то пал на кладбище «Керепеши»...

Свежий утренний ветер налетал легкими порывами, нежно касаясь старых, замшелых, изъеденных временем крестов и диковинных надгробий, шелестел засохшими букетами, только усиливавшими царящее вокруг уныние. Пролетев по узким дорожкам, ветер маленькими смерчами закружил несколько опавших листьев, будто напоминая: не за горами осень. Яркий лист дикого винограда, подхваченный легким порывом, запутался в светло-золотистых волосах, расцветив их кровавым пятном. Эрик небрежно стряхнул его и теперь отрешенно тербил пальцами, продолжая вглядываться в изъеденную временем могильную плиту, обсаженную по бокам кустами багряных хризантем, сейчас еще не цветущих. Над плитой возвышалась глыба белого мрамора, из которой выступали мужчина и женщина, стоявшие рука об руку. Возможно, не чуждый поэзии старший князь Высокого дома ди Таэ, предаваясь созерцанию надгробия, разразился бы лирическим словоблудием и комплиментами в адрес творения скульптора, если бы это произведение искусства не было памятником на могиле его родителей. Он просто смотрел перед собой, будто силясь получить неведомый ответ на свой немой вопрос. Тревога, захлестнувшая его вчера, никуда не делась, а лишь усилилась. Попытка переговорить с подсознанием завершилась маловразумительным советом временно отрешиться от суеты и прийти к своим корням...

Ну пришел, и что дальше? Эрик пытливо всматривался то в безупречно переданные скульптором нежные черты княгини Родики, то в резко очерченное лицо князя Анри. Но родители молчали, не желая осчастливить своего наследника хотя бы самым малым откровением. Утренняя свежесть вкупе с прохладным ветерком безнаказанно проникали сквозь шелковое кимоно, заставив князя выйти из оцепенения и зябко повести плечами. Досадливо смяв виноградный лист, целитель швырнул его на землю, развернул гравикресло и неспешно направил по дорожке к главным воротам.

У небольшой будочки при входе на «Керепеши» вечно поддатый кладбищенский сторож что-то эмоционально рассказывал светловолосому типу в сутане, выпрашивая на опохмел. Эрик равнодушно скользнул по ним взглядом, не особо прислушиваясь к разговору. Впрочем, сторож вещал столь громко, что князь его и так прекрасно слышал.

– ...только вином и спасаюсь, святой отец. Ежели не выпью, то так всю ночь глаз и не сомкну от страха...

– А что, беспокоят? – деловито осведомился светловолосый. Этот говорил абсолютно нормально, и магу пришлось изрядно напрячь слух.

– Да не так чтобы очень, стонут только... жалостливо да страшно, будто давит их что-то. А вчерась на обход вышел, глянул – мать моя женщина! Шевелятся... Плиты надгробные чуть не ходуном ходят. Я тут же, не при вашей безгрешности будь сказано, все вино из себя в штаны и выпустил... Уж не помню, как до сторожки добежал и вдругорядь напился...

«Хм, а вот это уже интересно, – задумчиво потер подбородок князь ди Таэ, неспешно ведя кресло вперед. – Сторож, конечно, пьянь подзаборная, но проверить его слова стоит. К тому же магический фон на кладбище действительно рябит».

– ...вы бы пришли, отслужили тут что положено, – долетел до Эрика пропитой надтреснутый голос. – А то спасу от этих колдунов никакого нет! Вон хоть тот беловолосый, – князь ускорил продвижение к воротам, – все ходит и ходит... А чего шляется, спрашивается?!

Целитель ощутил на себе чужой, цепкий, любопытный взгляд и едва не поддался соблазну немедленно телепортироваться. Однако сдержался и с равнодушным видом властелина проплыл сквозь вычурную арку ворот.

Сторож звучно высморкался и незлым, но емким словом охарактеризовал свое отношение к «проклятым колдунам».

Габриэль задумчиво глядел в спину удалявшемуся чародею в инвалидном кресле. Бесспорно, занятная личность. Возможно, они еще столкнутся. Дай бог, чтобы не на узенькой дорожке. Фарт снова обернулся к словоохотливому сторожу. Услышанное отнюдь не порадовало святого отца, зато живо напомнило о событиях последнего месяца в Вартбурге. Там тоже активно беспокоили мертвецы, а при входе на погосты лицо и руки будто облепляло невидимой паутиной. Явный признак присутствия некротической энергетики.

– Я наведу к вам сегодня вечером, – пообещал господин инквизитор. – Посмотрим, что можно сделать.

Он отсчитал сторожу пару монет. Тот согнулся в подобострастном поклоне.

Отец Фарт развернулся и упруго зашагал прочь, не посчитав нужным тратить время на осмотр некрополя. Похоже, его опасное расследование, начатое семь лет назад в Вене, продолжится сегодня вечером в Будапеште...

Глава 5

Книги... Толстые, обтянутые кожей фолианты с тяжелыми литыми застежками и окованными медью уголками; тонкие высокие репринты старинных летописей, переплетенные в плотный картон; растрепанные подшивки пожелтевших листов, упрятанные в вычурные футляры; миниатюрные томики древней поэзии и афоризмов с золотым тиснением на бархатистых обложках; старинные пергаментные свитки в гладких деревянных и металлических тубах... И в каждой из этих книг спрятан целый мир – диковинный, неповторимый, еще непознанный... Десятки, сотни, тысячи... Нет, десятки тысяч миров, дремлющих под плотно закрытыми обложками, заполняли широкие стеллажи, верх которых терялся в полумраке крутого свода.

Виктор подавился зевком и еще раз тщательно протер заспанные глаза, дабы убедиться, что библиотечная феерия ему не мерещится. Но темные, забытые книгами полки и не думали растворяться в сонном мареве, из которого байкер вынырнул минуту назад. Вчера ночью ему было не до особенностей приютившего их подполья, а посему утро (ведь судя по тому, что показывали его часы, утро действительно еще не окончилось) поспешило восполнить пробел в информации.

– Великий Элвис... – ошарашенно пробормотал он, силясь привести в активное состояние затекшее тело, – я попал в чужую мечту! Рид бы точно уже валялся в восторженном обмороке и помер от зависти, не приходя в сознание...

Впечатление грандиозности книжного собрания чуть портили широченная кровать под бархатным балдахином, уже знакомый Виктору столик на гнутых ножках и кресло-качалка, из которого он безуспешно пытался выбраться. Затекшие, противно покалывающие ноги все еще измывались над своим нерадивым хозяином, раздражая полным нежеланием удерживать в вертикальном положении все остальное тело. В конце концов ему все-таки удалось встать, и он с легкой завистью покосился на Радиславу. Вот кому повезло выспаться на новом месте – тепло, мягко, а главное, лежа! Решив пока не будить оборотничку, байкер отправился на поиски их гостеприимного хозяина.

Нырнув под сводчатую арку, Виктор застыл на пороге, ошеломленно присвистнув: оказывается, в «спальне» находилось всего лишь то, что не поместилось в основном зале. Такого количества книг, собранных в одном месте, сотрудник специального отдела никогда еще не видел.

– Рискую заработать книгофобию на всю оставшуюся жизнь, – пробормотал он, разглядывая помещение.

Неподалеку от входа на последней ступеньке стеллажной лесенки балансировал... нет, все-таки балансировала миниатюрная блондиночка, своим прикидом идеально повторявшая вчерашнего юношу. Платиново-белые волосы волной спадали на плечи.

«Ага, так их тут двое...» – подумал Виктор, гадая, рухнет ли девица с лестницы или успеет поставить на полку громадный фолиант, тяжеленный даже на вид, но потом все равно рухнет?

– Кхм, – вежливо кашлянул байкер, привлекая внимание.

Блондинка, не прекращая эквилибристику на лестнице, всем корпусом развернулась в его сторону.

– А, это вы, ужасный незнакомец... – сердито откликнулась она, неизвестно каким чудом удерживая на весу здоровущую книженцию. – А как же ваше обещание немедля откланяться поутру?

– Прости, милочка, но тебе я ничего не обещал, – ехидно осклабился Виктор. – И вообще в первый раз тебя вижу.

– Права была моя покойная матушка! – заломив руки, патетично взвизгнула блондинка. – Все вы – змеи-искусители! Как надо – так ковром под ноги стелетесь, а как получите то, чего вождедали, – так сразу шлангом прикидывается.

Мужчина удивленно вскинул бровь, тщетно пытаясь вспомнить, когда и что он получал конкретно от этой блондинистой фифы. Память уверенно подсказывала – таковых файлов не значится.

А в это самое время по параллельному стеллажу неспешно крался никем не замеченный упитанный пасюк³...

– Слушай, я вчера общался исключительно с парнем по имени Жози... – сделал попытку объясниться байкер.

– Жози – это я, дубина! Жозеф Дезире или, как сегодня, – Жозефина... Ай!

Пасюку надоело разгуливать вдоль корешков, и он, вообразив себя белкой-летягой, сиганул через проход на соседний стеллаж. Чуть не долетел и шлепнулся на плечо Жозефу-Жозефине, отчаянно заскребя коготками по жилетке. Блондинка, доселе успешно являвшая чудеса библиотечного эквилибра, не удержалась и с писком загремела с лестницы, едва не съездив оружейнику фолиантом по лицу, однако успешно сбив его с ног. Пасюк как ни в чем не бывало продолжал восседать у девушки на плече, посверкивая черными бусинками любопытных глаз.

– Капуста, сколько раз тебя просить так не делать! – раздраженно воскликнула Жозефина, продолжая возлежать на импровизированном амортизаторе своего падения.

– Брысь отсюда к черту! – потребовал Виктор, крепко приложившийся лопатками о каменный пол. – Трансвестита мне только не хватало!

– Кися моя, не нервничай, я андрогин: никакого силикона – все натуральное! – поспешила (поспешил?) успокоить его девица (?).

– Да хоть черт лысый, какая мне, на фиг, разница! Если моя девушка это увидит, она сначала убьет, а потом будет задавать вопросы! – Байкер бесцеремонно спихнул ее на пол и поднялся на ноги.

– Она некромант? – заинтересовалась блондинка, подхватывая оброненную книгу и вновь забираясь на лестницу.

– Она оборотень, а это гораздо страшнее... Некромант потом хотя бы воскресит, а здесь никаких шансов. – Виктор потер ноющее плечо, на котором отчетливо проступал фигурный синяк в виде подошвы. – Пойду ее разбужу.

– Наш разговор еще не закончен! – донеслось ему вслед.

Но оружейник лишь досадливо отмахнулся, жалея, что рядом нет Рида или князя ди Таэ, которые могли бы хоть немного прояснить ситуацию с парнем, который совсем не парень, а очень даже девушка, которая, гм...

Сонная Радислава сидела на тюфяке, озадаченно рассматривая заполненную книгами залу и силясь подавить проклюнувшийся червячок страха. Она проснулась от дурного ощущения пустоты. Присутствие рядом других существ оборотничка чуяла даже сквозь самый крепкий сон и поэтому на опустевшую комнату среагировала мгновенно. Менестрель запустила пальцы в спутанные волосы, пытаясь хоть немного разодрать ту серую паклю, в которую они превратились за ночь. Что с ней творится, черт побери?! Ощущение покоя, к которому она уже успела за полторы недели привыкнуть, приказало долго жить, оставив Радиславу в компании мысли «что теперь будет?». Пройти столько дорог, чтобы в итоге потерять то, что ценится скальдами больше всего? Она не может так просто расстаться со своей свободой! Хотя на кой черт она ей сдалась, если в этой свободе не будет его – несносного, ехидного, но такого любимого человека? Столько лет проведя на вершине одиночества, Радислава стремилась прочь оттуда, но и без уединения уже не могла. А тут еще непредвиденные обстоятельства... Ох, здесь

³ Пасюк – крыса (укр.).

точно не обошлось без шаловливых происков неугомонной госпожи Смерти... Оборотничка в который раз прислушалась к себе, задумчиво опустив руку на живот. Нет, все правильно. Смерть уже тогда безошибочно почуяла то, о чем менестрель только начинала догадываться.

Занимательные мысли о собственном состоянии были прерваны появлением байкера.

– С добрым утром, мышка! – Он уселся на тюфяк рядом с ней.

– Утро добрым не бывает, – проворчала менестрель, растирая ладонью лицо и тем самым изгоняя остатки сна и тревоги. – Куда ты уже успел проветриться? – Оборотничка поплотнее запахнулась в рубашку.

– Домогался хозяина этого безобразия, – иронично осклабился Виктор, – пошло и грязно.

Брови Радиславы удивленно поползли вверх, и байкер, гнусно посмеиваясь, пересказал вчерашний разговор под дверьми.

– Это ее, что ли? – недобро прищурилась оборотничка, разглядев вошедшую в комнату Жози.

– Его, мышка. Это парень...

– Может, я не сильна в анатомии, – холодно произнесла менестрель, – но груди третьего размера у парней не бывает, это факт!

Жози озадаченно покосилась на вырез жилетки. Две последние пуговички едва сходились на верхних округлостях, норовя вырваться с нитками и тканью, а из выреза пикантно выглядывали черные кружева бюстгалтера.

– ...и на твоей коже ее запах... – Хрипловатый голос оборотнички уже практически перешел в сердитое рычание тронутой изменением глотки.

– О-о! – экзальтированно возопила Жозефина, оценив последнюю фразу Радиславы. – Грядет бэль скандал! Прелестно! Только без побоища, а то мне становится дурно от вида крови!

Заслышав подобное, оборотничке резко расхотелось выяснять отношения. Причин тому имелось несколько, и одна из них сейчас стояла напротив. Радислава мертвой хваткой вцепилась в руку Виктора, наблюдая, как переплавляются черты лица и фигура «блондинки». Менестрель шумно сглотнула, разглядывая невысокого щуплого юношу, выпутывающегося из кружевного бюстгалтера.

– Ну вот, все настроение испортили, – пробормотал андрогин, зашвыривая белье на кровать. – Так что, скандал не состоится? – пытливо воззрился он на своих гостей.

– В другой раз, – буркнул Виктор. – Бронируй билеты, партер еще свободен. Ай!..

Радислава все-таки треснула ему по шее, авансом.

– А может, вы все-таки поскандалите? – Жози глядел на них с неприкрытой надеждой на бесплатное представление. – Скандалы, говорят, отношения укрепляют.

– Лучше мы кое-кого сейчас прибьем, чтобы оно не лезло в чужие отношения, – прорычала оборотничка, хищно подаваясь вперед. Виктор едва успел перехватить ее поперек туловища.

– Ничто так не примиряет, как общая проблема, – философски изрек андрогин. Отчаявшаяся вырваться оборотничка притихла на руках у байкера, обиженно сопя и явно напрашиваясь на примиряющий поцелуй. – Так что? По кофе – и разбежимся?

Рассеянные широкими стеклами, солнечные лучи осторожно крались по дорожному ковру, будто пытаясь остаться незамеченными и проскользнуть к неплотно прикрытой двери. Добрались до стола и пугливо заметались, озаряя пухлые отвисшие щеки его светлости достойного кардинала Дэпле. Взгляд главы Дипломатического корпуса при Единой всеблагодати матери-церкви был полон недюжинной озабоченности. Хмурое мясистое лицо прелата выражало напряженную работу ума, отчего куцые невыразительные бровки стеклись к переносице, сквозь которую пролегла глубокая морщина, призванная отобразить глобальный мыслительный процесс своего обладателя. Дурная привычка пощипывать во время раздумий раскиди-

стый папоротник, стоявший в углу стола, постепенно привела растение в совсем уж плачевное состояние. И теперь его светлость теребил голый стебель, некогда бывший прекрасным папоротниковым листом.

«Надо бы развернуть горшок другой стороной...» – машинально подумал он, терзая шершавый остов. Кардинала Дэпле трудно было назвать человеком, страдающим от отсутствия проблем: во-первых, должность способствовала, а во-вторых, сказывалась природная склонность к интригам, продуцирующая таковые не хуже раздолбаев-подчиненных. Мысли господина кардинала, пребывающие в броуновском движении, скакнули к недавним воспоминаниям. Ах как он радовался, когда отдел Златы Пшертневской преподнес ему двойной приятный сюрприз: избавил от Саграды и предоставил столь нужный повод для собственного отпуска... Но, как говорится, недолго музыка играла... Не минуло и двух недель после радостного события, как Дэпле настигло высочайшее повеление патриарха, предписывающее немедленно восстановить ненавистный отдел.

Кардинал с нажимом помассировал лоб. Тяжелые перстни заискрились от ярких бликов. Все бы ничего, Дэпле проглотил бы и эту пилюлю, но пока сотрудники Пшертневской наслаждались коротеньким отпуском, он успел передать помещение отдела иезуитам, уже не первый год точившим зуб на эту территорию. Получилось весьма нехорошо – буквально картина маслом «Враги сожгли родную хату». Ну пусть и не сожгли в буквальном смысле, но дипломатам от этого не легче. Прикидывая и так и сяк, как бы вывернуться из щекотливого положения, Дэпле едва не стучался головой о стену. И тут на почтенного начальника Дипломатического корпуса, изливавшего свое горе не в благостной молитве, но топившего в бокале «Крови матадора» бог знает какого лохматого года розлива, вдруг снизошло божественное озарение...

Иезуиты всегда славились своим коварством и извращенной склонностью к всякого рода сомнительным экспериментам. Взять хотя бы ту шумевшую историю с Волчьим мором полувековой давности... Наверняка у них и сейчас найдутся какие-нибудь темные делишки. Саграда-то, оказывается, не только Пшертневской козни строил: Дэпле в бумагах покойного инквизитора нашел и кое-что об иезуитах. Думается, господин Христобаль со временем намеревался взяться и за них – уж больно интересный, пусть и мизерный материалчик обнаружился. И теперь господин кардинал готов был прозакладывать свою коллекцию нефритовых будд, что любопытные спецслужбы, очутившись под одной крышей с иезуитами, рано или поздно сунут свои длинные носы в секреты ордена, и тогда исчезновение отдела станет только вопросом времени. А учитывая неумность Пшертневской с ее разношерстной кодлой и грозную репутацию Общества Иисуса – очень короткого времени.

К тому же не стоит забывать, что наместник Серого ордена в Нейтральной зоне должен был господину кардиналу маленькую услугу. Когда встал вопрос о новом великом инквизиторе Нейтральной зоны, его благочестие брат Юлиан, обсуждая с Дэпле условия передачи ему церкви Святого Матиаша, ненароком проговорился, что не прочь бы видеть на этом месте главу немецкой инквизиции – отца Габриэля Фарта. На кой уж ляд понадобился хитрому иезуиту этот далеко не первый в списке претендент, да еще из немецкого Серого ордена, который больше всего не ладил с иезуитами, изрядно поприжав оных на своей земле, для начальника Дипломатического корпуса оставалось загадкой. Пока оставалось... Тем не менее он использовал всю силу своего дипломатического убеждения, чтобы весы выбора склонились именно в сторону Фарта. А теперь пусть достойный брат Юлиан как бы ненароком избавит Дэпле от намозолившего глаза спецотдела, и долг будет оплачен.

Само собой, кардинал не собирался посвящать своего должника в эту тонкую комбинацию. Некоторые материалы, не так давно попавшие в пухлые загребушие ручки Дэпле, вкупе с грядущими событиями вполне могли исполнить роль камня, что утянет на дно этот паршивый орден. Говоря откровенно, кардинал никогда не любил то змеиное гнездо, что гордо именовало себя Обществом Иисуса...

Радислава задумчиво смотрела, как исчезает в чашке белобрысого любителя чужих скандалов десятая ложка сахара. Нет, против сладкого кофе оборотничка никогда ничего не имела, но ведь есть пределы разумного! Да к тому же пять ложек – это вполовину меньше, и то Виктор ворчал, что с таким же успехом она может пить сироп, все равно никакого вкуса, кроме приторно-сладкого, у кофе не остается. Но деся... ого, уже одиннадцать ложек сахара!..

– Слушай, гермафродит, тебе плохо не станет? – саркастически осведомилась она. – Ничего не слипнется?

– Поправочка! – Жози назидательно поднял изящную ложечку. – Я андрогин – идеальное, отмеченное божественной печатью существо, несущее в себе два начала одновременно и воспринимающее их сообразно собственному желанию и настроению. Тогда как гермафродит – это всего лишь жалкая пародия, являющаяся следствием низменных мутаций несовершенного генома древних языческих кумиров, живших в разврате и пороке.

Виктор с Радиславой озадаченно переглянулись, и оборотничка едва сдержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска, склоняясь к мнению, что подобная «божественность» и на рассудке сказывается соответственно.

– Ну, это моя любимая трактовка, – смущенно потупился парень. – Энциклопедия символов на юго-западном стеллаже, пятнадцатая полка, страница десять. А глюкоза, между прочим, благотворно влияет на мозг, пробуждая скрытые резервы и повышая мои скромные способности до поистине офигенных высот, – закончил он, отхлебывая из чашки и блаженно жмурясь.

– Если твои способности заключаются в том, чтобы нести чушь, то повышать их, по моему, уже некуда. Они и так зашкаливают, – проворчал Виктор, понимая, что в исключительном словоблудии этот парень переплюнул даже болтливого архонта.

– Варвары, – грустно вздохнул Жози. – Ну да что с вас взять... У меня, между прочим, феноменальная память: я запоминаю все, что когда-либо читал, до последней точки. А при необходимости могу воспроизвести с точностью до нее же! Иначе я бы тут не сидел!

– Для начала – где «тут»? – Менестрель решила прояснить, куда они угодили, а за «варваров» можно спросить с андрогина позже.

– Вы что, даже не знаете, куда попали? – непритворно ужаснулся юноша. – Нет, вы точно варвары! А я еще сначала подумал, что вы от Аммадеуса, то есть от брата Андрея, – махнул он рукой, показывая, насколько его гости безнадежно невежественны.

– Вообще-то... – неуверенно протянул байкер.

– ...в некотором роде... – поддержала его подруга.

– ...мы действительно от него, – закончил Виктор. – Душеприказчики, так сказать... Но хоть убей не знаем, что это за место. Он, знаешь ли, о названии не распространялся.

– Значит, старик Амм преставился, – сразу погрузился Жози. – Жалко, хороший был дядька... Невезучий, но хороший. А вы находитесь в библиотеке хранителей, о невежественнейшие из неучей! Точнее, в одной из них.

– Что, тех самых? – задал байкер глупый вопрос, резко припоминая свои приключения в Мадриде, едва не закончившиеся кладбищем.

– А ты знаешь еще каких-то? – саркастически уточнил андрогин, деликатно выуживая кончиками пальцев облитую шоколадом печенюшку из стоящей на столе вазочки.

Радислава, решив и себе подтянуть сладенького, застыла с вытянутой рукой – через весь стол шествовал упитанный лоснящийся пасюк. Тварюшка, ничуть не смущаясь, уселась возле печенья, ухватила одно и принялась с аппетитным хрустом грызть. Жози с умилением смотрел, как его питомец хрупает угощение.

Оборотничка отдернула руку, словно обжегшись. Не то чтобы она страдала от излишней брезгливости, но сладкого ей уже расхотелось. Откушавши, пасюк решил, что неплохо бы промочить горло, и без зазрения совести обратился к ближайшей кружке. Радислава изумленно

наблюдала, как наглая животиная вспрыгнула на ободок, вбурилась внутрь и принялась с упоением лакать подостывший кофе. Бесцеремонно ухватив крысу пальцами за основание хвоста, менестрель возмущенно выдернула оную из своей кружки. Та, обиженно пища и растопырившись, словно морская звезда, повисла в воздухе. Оборотничка чуть покачивала рукой, будто примериваясь, куда зашвырнуть нахалку.

Жози, узрев такое издевательство, с возмущенным воплем выхватил пасюка из руки девушки. Радислава едва пальцы успела разжать. Крыса, забравшись на хозяйское плечо, принялась тоненько, с подвываниями, причитать, жалуясь на свою поганую судьбинушку и на жестокосердную гостью. Андрогин успокаивающе гладил ее по спине, исподлбья поглядывая на дипломатов.

– Так, – наконец изрек он. – Терпение – добродетель, но пора и честь знать, мои драгоценные друзья. Что просил передать старина Амм?

– Долго жить, – проворчал Виктор.

– Тогда тем более вам пора! – Жози фактически вытолкнул их в соседний зал, что-то повернул на стеллаже, и тот разъехался, открывая проход. Вверх уходила крутая винтовая лестница.

– Мы там хоть выйдем?.. – запоздало осведомился байкер, жалея, что не успел вытянуть из странноватого обитателя подземелья больше информации.

– Выйдете.

– А...

Стеллаж с грохотом сомкнулся, оставив андрогина и его случайных гостей по разные стороны баррикады.

– Ну вот, даже не попрощались... – с наигранным сожалением протянул Виктор, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

– Так! Может, объяснишь мне некоторые моменты? – с напором произнесла Радислава. – Например, почему от тебя разит этим... андрогином?!

И тут байкер понял, что скандал все-таки состоится. Хитрая оборотничка просто дожидалась отсутствия чужих ушей.

– Ты не поверишь, – вздохнул он, – но этот придурок попросту на меня упал...

– Что же ты моментом не воспользовался? – с ехидцей осведомилась подруга, выслушав душераздирающую историю о Жози, крысе и стремянке.

– Блондинки не в моем вкусе, – хмыкнул оружейник.

– Вообще-то кусать – моя прерогатива! – фыркнула Радислава. – Но ладно, бог с ними, а кто же тогда в твоём?

– Наглые, языкатые оборотни, – со смешком ответил байкер, поднимаясь на пару ступеней.

– Выберемся – я тебя укушу, – клятвенно пообещала «наглая и языкатая».

– А отчего не сейчас?

– А чтобы не промахнуться. Подожди, я перекинусь. – Из темноты в Виктора полетела рубашка. А спустя несколько секунд о его ноги потерся лохматый бок...

– Уф-ф-ф... – Жози устало опустился на нижнюю ступеньку стеллажной лесенки и утер со лба несуществующий пот. Затем выудил из жилетного кармана здоровенные часы на цепочке и щелкнул серебряной крышечкой. – Вовремя вытурил...

Он сильно сомневался, что куратор его библиотеки, госпожа хранительница Лоренсия Скрипто, обрадуется появлению чужаков в этих стенах. Насколько андрогину известно, в мире существует всего четыре подобных книгохранилища. То, в котором волей судеб оказался он, считалось самым большим, вмещающая в себя сотни и сотни художественных произведений и философских трактатов, незаслуженно забытых или безвозвратно утраченных людьми. И кура-

тором этого собрания значилась, по скромному мнению Жози, канцелярская фурия, трясущаяся над книгами, словно мифический Кощей над золотом. И как только Аммадеус с ней уживался? Жаль, что старика уже нет в живых. Ох, а ведь грядущий визит хранительницы наверняка именно с этим и связан. Спешит сообщить сию прискорбную новость. Жози поднялся на ноги и задумчиво потер подбородок. Благо он уже осведомлен, а следовательно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.